

ТЕССА ЭМИРСОН

Созвездие для Мелл

18+

Young Adult. Молодежная российская романтическая проза

Тесса Эмирсон
Созвездие для Шелл

«ЭКСМО»

2023

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Эмирсон Т.

Созвездие для Шелл / Т. Эмирсон — «Эксмо», 2023 — (Young Adult. Молодежная российская романтическая проза)

ISBN 978-5-04-179829-1

Шелл Я не хочу вспоминать прошлое. Оно причиняет слишком много боли. Гонки и музыка раньше были привычным делом. А сейчас я в доме отца, которого едва знаю. Меня мучают ночные кошмары, и я не хочу иметь ничего общего с раздражающим, суровым, но таким притягательным телохранителем, повсюду следующим за мной. Но чем больше времени мы проводим вместе, тем сильнее я ощущаю свою привязанность к Айдену. Я хочу слышать его смех, видеть его хмурое лицо, доверять ему. Но нам нельзя быть вместе, у моей семьи слишком много опасных тайн... Айден Охранять очередную избалованную девчонку должно было быть проще простого. В мои планы не входило узнавать Шелл. Или влюбляться в нее. Мне хотелось просто выполнить свою работу и отвлечься от мыслей о прошлом. Но чем больше времени мы проводим вместе, тем сильнее я привязываюсь к ней. Она изранена, и за показушной дерзостью скрывается боль, которая откликается в моем сердце. Я ничего не могу дать Шелл, нам нельзя быть вместе, ведь я храню секреты, из-за которых она может меня возненавидеть...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-179829-1

© Эмирсон Т., 2023

© Эксмо, 2023

Содержание

Плейлист	7
Перед прочтением	8
Глава 1. Новый член семьи	9
Глава 2. Широкий спектр услуг	15
Глава 3. Начало цепочки	20
Глава 4. Лишнее звено	25
Глава 5. Прошлое и настоящее	32
Глава 6. Долг	36
Глава 7. Сопротивление	42
Глава 8. Набег	48
Глава 9. Уговор	52
Глава 10. Язык музыки	58
Глава 11. Тюнинг	61
Глава 12. После огня	65
Глава 13. Омут	69
Глава 14. Ночь	76
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Тесса Эмирсон

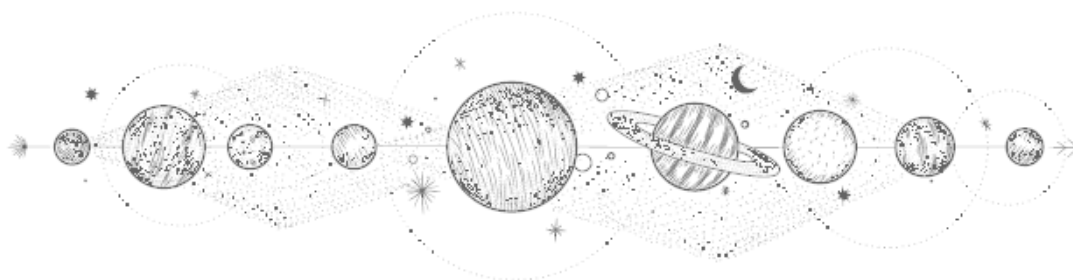
Созвездие для Шелл

*Полу, который сказал, что все будет хорошо.
И не соврал.*

У меня получилось, видишь?

© Тесса Эмирсон, 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Плейлист

Paris Blohm & Teylr Renee – Left Behinds (Savagez Trap Edit)
STARSET – Telepathic (Acoustic Version)
BLADEFEAR – In Essense
STARSET – Starlight
What The Phonk & 6SIXSIX–I’m Good (Blue)
\$werve – Heatseeker (feat. Ethan Ross & CAIRO!)
Skyfall Beats – all i do
Skyfall Beats – tradegy
Jung Youth, Sam Tinnesz – Fighter
STS-51L feat. BLESSED MANE – Radiant
Asking Alexandria – Alone In A Room
STARSET – My Demons
Agust D – Burn It
BLADEFEAR – Distance
Skillet – Feel Invincible
Stray Kids – Question
mxracle feat. SHADXWBXRN – Awesome Force
MFS – Bow
Day 6 – I Need Somebody
STARSET – Trials
ANTXRES – Without Emotion
Apashe (ft. Panther x Odalisk) – No Twerk
niteboi – u.

Перед прочтением

Некоторые элементы этой истории взяты из моей реальности. Работа над этой книгой – вызов себе, моя борьба и крохотная победа. Полагаю, иногда история будет слишком эмоциональной и личной, не до конца правильной с точки зрения художественного построения. Но она будет моей.

Мой маленький манифест, мой боевой клич и отражение моей воли.

Я счастлива, что могу выразить все это через столь полюбившихся персонажей. И спасибо, если решили заглянуть в их историю.

Эта книга содержит в себе сцены насилия и жестокости. Людям, которых могут травмировать описанные здесь события, рекомендуется читать произведение с предельной осторожностью.

Телефон доверия для детей, подростков и их родителей: 8–800–2000–122. Звонок на номер бесплатный и анонимный.

Глава 1. Новый член семьи

Моя точка невозврата пройдена ровно месяц назад.

Момент, когда все окончательно пошло под откос. Момент, после которого жизнь разделилась на смазанное в памяти «до» и непредсказуемое «после». Сейчас, спустя несколько недель, напрочь выбивших меня из течения жизни, начинается первый день того самого «после». И мне... очень страшно.

В салоне дорогого автомобиля приятно пахнет кожей и сигаретами – водитель наверняка любит курить, раз в его строгий костюм впитался этот характерный запах.

Совсем как у мамы.

Я блокирую эту мысль, не дав ей развиться и утянуть меня в ловушку воспоминаний. Это все осталось в прошлом. Каким бы болезненным и пугающим оно ни было, его стоит держать под замками, не позволять оказывать влияние на мою жизнь. Так я решила.

А ведь как забавно все получилось. Раньше меня мучил невыносимый выбор между родителями, перед которым я ставила себя всякий раз, как только терпение и силы подходили к концу. То и дело взвешивала все «за» и «против», постоянно мучила себя давними обещаниями, чувством вины и множеством сомнений. А теперь... получается, этого выбора нет вовсе.

Я буду жить со своим отцом. В моем случае это буквально означает влиться в *новую* семью. И я почти ничего о ней не знаю. Мне известно только то, что отец работает в частной космической компании, нацеленной на долгосрочные проекты исследования космоса. Звучит красиво, не правда ли? В детстве я обожала размышлять о том, какими опасными и восхитительными программами занимается мой отец. Ракетостроение, космические шаттлы, снабжение МКС и доставка космонавтов на орбитальную станцию... а может, вовсе решает задачи, связанные с путешествиями к другим планетам? Детское воображение не знало ни границ, ни правды. Жаль, что любые мои попытки заговорить об отце неизменно вызывали дома скандал.

Снова блок. Никаких мыслей. Хватит. У меня нет сил даже на панику. Слышишь, отчаянно колотящееся сердце? Хватит, глупое, качать кровь так, будто бы нам предстоит бежать до места назначения марафон.

В попытках отвлечься я достаю из кармана телефон. Остается всего восемь процентов зарядки. Паршиво... Нужно потратить их с умом. Именно поэтому я открываю переписку с одним из немногих людей, которых могу называть своими близкими. Софи в Сети, надпись «онлайн» ободряющим огоньком горит под ее никнеймом. Я быстро набираю сообщение:

Еще еду. Уже несколько миль вокруг ничего нет, даже заправок.

Софи отвечает в своей излюбленной манере:

Похоже, тебя везут в лес закапывать.

Не смешно.

Печатаю я, хотя на губах блуждает нервная усмешка. От следующего сообщения подруги мне становится парадоксально легче:

Не паникуй раньше времени. Я с тобой.

Такое себе утешение, но почему-то оно срабатывает, как и всегда, когда это делает Софи. Несмотря на то, что она живет за тысячи миль, ближе человека для меня просто не существует. Разве что ребята из мастерской.

В списке диалогов горят больше сотни непрочитанных сообщений, и каждое от них. Я открываю нашу общую беседу и заставляю себя не читать ничего. Пишу только самое важное, все, на что у меня сейчас есть силы:

Я жива, все нормально. Потом все расскажу.

Интересно, как они там за все это время... Зажмурив глаза, я обрываю эту мысль. Нет смысла мучить себя вопросами, когда неизвестно, смогу ли я посещать наше место вообще. Может, уже ничто не будет, как раньше. Это одновременно и утешает и пугает меня.

Я отрываю взгляд от телефона, только когда машина начинает тормозить. Впереди виднеются огромные кованые ворота, с механическим лязгом открывающиеся по сигналу водителя. Я искренне надеюсь, что мы ошиблись местом назначения, особенно когда машина медленно выезжает на огромную территорию возле широкого крыльца двухэтажного особняка. Дыхание застревает где-то в горле, пока я мечусь взглядом по белоснежному фасаду, украшенному редкими побегам лозы. В некоторых окнах горит мягкий свет, а на балконах, благодаря открытым дверцам, то и дело вздымаются от ветра однотонные шторы.

Это точно какая-то ошибка.

Конец этой надежде наступает ровно в тот момент, когда водитель покидает машину, быстрым шагом обходит ее сзади и аккуратно открывает мою дверь. Он галантно подает руку и ждет, пока я перестану глупо смотреть на его ладонь.

Я даже себе не признаюсь в том, какой эмоциональный хаос охватывает меня в момент, когда выхожу из машины и вновь окидываю взглядом дом отца. Я ожидала чего угодно, но точно не того, что вижу на самом деле. Внешне стараюсь оставаться бесстрашной, но почти уверена, что все написано у меня на лице.

Никто не должен видеть мой страх, мои эмоции и переживания – только так я буду в большей безопасности. Убеждаю себя в этом не первый год. Поэтому, когда на крыльцо особняка выходит папа, ни один мускул не дрогнул на моем лице. Это стоит мне огромных усилий.

Он высокий. Это первое, что способно подметить мое скованное оцепенением сознание. Я совсем по-дурацки рассматриваю его короткие волосы, уже поддавшиеся влиянию возраста, и сталкиваюсь с лицом, на котором не замечаю ни единой морщинки: так удивительно в отце сочетаются молодость и зрелость. В сдержанном взгляде его серо-голубых глаз, направленном прямо на меня, проскальзывают оттенки радости, волнения и... как будто бы неподдельного счастья. Последнее застаёт меня врасплох, из-за чего мои губы сами собой дергаются в ответной улыбке.

Как бы мне ни было страшно, мне здесь рады. И эта мысль утешает, как ничто другое.

– Привет?.. – почти вопросительно произношу я, поднимаясь по ступенькам на крыльцо.

Отец молчит. Его взгляд бегаёт по моему лицу, затем он делает шаг вперед и заключает в объятия – настолько крепкие, что кажется, будто мне не хватит сил сделать вдох. Вместо ожидаемой паники испытываю лишь легкую растерянность и долю облегчения. Не знаю, чего я ожидала, но мне было важно увидеть в отце эту радость от встречи. Мне было жизненно необходимо допустить эту глупую мысль: *возможно, меня любят*. Я крепко обнимаю его в ответ, и это мгновение кажется заслуженным финалом всего, через что пришлось пройти в последние несколько месяцев.

Но все это только начало.

– Ты так выросла, – тихо произносит папа, отпуская меня только для того, чтобы снова взглянуть на мое лицо. – Просто невероятно.

Я пытаюсь вспомнить, когда мы виделись в последний раз. Воспоминание о живой встрече с отцом теряется где-то в детстве – в глубинах памяти. Должно быть, в его глазах перемены, коснувшиеся меня, кажутся чудовищными. Мне повезло больше – для меня папа почти не изменился, если вообще можно так сказать о человеке, чью внешность я помню крайне образно.

Тем временем отец берет себя в руки.

– Пойдем, – улыбается он, старательно скрывая излишние эмоции. – Проведу небольшую экскурсию по нашему дому, чтобы ты не заблудилась.

Нашему. Следуя за отцом, я мысленно повторяю это слово, не зная, какие чувства испытываю от него.

Мы попадаем в просторный холл, наполненный холодным светом. С одной стороны пространство отделяется арочным проходом, ведущим в какую-то непозволительно огромную гостиную. Широкие панорамные окна выходят на задний двор, в цветущий ухоженный сад. С другой стороны располагается вестибюль с гардеробами для верхней одежды. Рядом с высокими зеркалами стоят миниатюрные пуфики. Какое-то время я смотрю на их вельветовую ткань, а после оглядываюсь вокруг еще раз, и кое-что никак не могу уложить в своей голове.

Разве сотрудники компании, пускай и такой пафосной, зарабатывают *столько*? Не слышала, чтобы отец был каким-нибудь генеральным директором...

Папа замечает мое замешательство и воспринимает его по-своему. Он немного теряется и, кашлянув, вдруг произносит:

– Не подумай, что я... В общем, платил алименты и никогда не отказывал твоей матери в дополнительной материальной помощи. Я догадываюсь, как обстояли дела, но пойми, я не мог контролировать, как она распоряжается этими деньгами...

– Я вообще не об этом думала, – прерываю я поток неожиданных оправданий и с удивлением смотрю на отца. – Прекрати. Мне неинтересно, кто, что и кому отдавал. Но если говорить о родительском долге, то единственное, чего не понимаю до сих пор, так это почему я ни разу не видела тебя последние лет десять. Только это.

Отец молчит, оценивающе рассматривая меня. Трудно сказать, какое впечатление на него произвели мои слова. В его взгляде мелькает уважение.

– При случае уточни этот момент у своей матери, – говорит папа с нотками трудноуловимого упрека.

– Если увижу ее, – я тяжело сглатываю, – это будет последнее, о чем захочу с ней поговорить. Я знаю, что она всегда была против тебя, запрещала видеться и все такое. Но ты мог хотя бы *попытаться* связаться со мной?

Кто бы знал, насколько я надеюсь на его ответ. Сама не понимаю, каких именно слов жду. Может, признания, что он ужасно скучал и хотел общаться, но по каким-то ужасным, неподвластным ему причинам не мог. Черт, да назови он мне сейчас даже самую бредовую из них, и я поверю. Потому что отчаянно не хочу думать, что своим существованием служила лишь необратимым напоминанием о неудачном браке и дурном прошлом. Что угодно, только не это.

Отец молчит. На его лице сгущаются тени, и, хмуро взглянув на меня, он бесстрастным тоном предлагает:

– Давай не будем об этом сейчас?

Похоже, его оскорбляют мои вопросы. Я теряюсь в том, что могу, что должна говорить, перебираю в голове одни и те же мысли в разных формулировках, не зная, какая из них не испортит хрупкое равновесие в наших зарождающихся взаимоотношениях.

– Да, – тихо отзываюсь я. – Я тоже не хочу сейчас ни в чем разбираться.

Ложь. Больше всего на свете мне хочется прямо сейчас задать ему сотню вопросов, которые роятся в моей душе. Хочу добиться честных и полных ответов, унять тревогу и недосказанность. Хочу раз и навсегда засыпать ту пропасть, которая росла между нами на протяжении многих лет. Но вместо этого я рассеянно киваю.

Кивком головы папа приглашает меня пройти в гостиную, в огромном пространстве которой я ощущаю себя слишком маленькой. Отсюда начинается экскурсия по дому, в котором мне, возможно, предстоит прожить долгое время. Нас окружают большие пространства, полные свободы, современная красивая мебель, но без излишеств. Светлые тона декора сочета-

ются с темными, что подчеркивает руку профессионала. После первой прогулки по дому я едва запоминаю расположение комнат: здесь кухня и обеденный зал, там гостиная северная, а там западная... комнаты для гостей, ванны для гостей, общая большая ванная на первом этаже, наши – на втором, а еще их маленькие копии в каждом крыле...

Это точно дом в обычном понимании этого слова?

Рассказывая о доме, отец улыбается и даже иногда шутит, разряжая обстановку. Я неумело улыбаюсь в ответ, не находя слов. У меня много вопросов, но все они касаются не обстановки дома, а жизни его хозяина. На такие разговоры вывести его сейчас я не рискну. Живет ли отец один, или мне предстоит знакомство с мачехой? Дом выглядит таким одиноким, словно бы кроме отца и наемных работников здесь нет никого. Почему-то эта мысль вызывает во мне облегчение.

Когда мы обходим почти весь второй этаж, я закономерно ожидаю, что отец покажет мою комнату. Однако мы спускаемся обратно в уютную гостиную, выдержанную в кофейных тонах. Она заполнена шкафами со стеклянными дверцами, за которыми стоят книги. Скользя взглядом по корешкам, я обнаруживаю здесь целое собрание научной фантастики и улыбаюсь. От разглядывания богатой книжной коллекции меня отвлекает папин голос:

– Мне известно о некоторых... особенностях твоего здоровья.

От этих слов холодок пробегает по спине. Я поворачиваюсь к отцу и только сейчас замечаю, что в гостиной мы не одни.

Молодой мужчина в строгом черном костюме стоит в отдалении и приближается по молчаливому приказу отца – хватая лишь кивка. Я в напряжении разглядываю незнакомца и подмечаю все новые детали: непроницаемое лицо с черными волосами, коротко стриженными висками, темно-серыми глазами и отрешенным взглядом. Судя по внушительной фигуре, нетрудно догадаться о профессии этого человека: либо телохранитель, либо наемник. И ни один из этих вариантов мне не нравится.

– Знакомься, Шелл, – с улыбкой начинает отец. – Айден Фланаган, твой личный телохранитель.

У меня чертовски много вопросов. Пожалуй, их можно ужать в один:

– Какого...

– Айден давно работает на меня, – спешно перебивает меня папа. – Это тот человек, которому я могу доверить твою безопасность.

С трудом удерживая самообладание, я пытаюсь переформулировать все тот же вопрос:

– Зачем...

Телохранитель с трудом пытается сдержать улыбку. Мгновение, и любой намек на эмоции тут же пропадает с его лица. Ему что, смешно?..

По моему телу прокатывается легкий разряд гнева. Я заранее проникаюсь антипатией к этому мужчине. Может, за моими эмоциями прячется простой страх? Однако он так умело ускользает даже от меня, что я и правда не знаю, испытываю ли его на самом деле.

– Я подписывал документы на твою выписку, – вновь пускается отец в объяснения. – И врачи беседовали со мной по поводу твоего состояния. Посттравматическое стрессовое расстройство, физиологические отклонения... да еще и с признаками депрессивных периодов. Меня убедили, что это серьезно.

Я сохраняю внешнее хладнокровие, хотя за время речи отца внутри меня трижды все перевернулось. Обсуждение подобной темы в присутствии чужого человека ощущается сродни тому, как если бы они стояли и обсуждали мои анализы. Мерзость.

– Я бы сам хотел проводить с тобой как можно больше времени, но не могу. Редко бываю дома. – Отец вздыхает и кивает в сторону телохранителя. – Поэтому мне будет спокойнее, если ты всегда будешь в компании надежного человека.

Поверить не могу. Неужели папа всерьез опасается, что как только он от меня отойдет, я тут же натворю глупостей? Только в таком случае я бы поняла идею о найме этого... надзирателя.

– Айден призван охранять, наблюдать и нивелировать ситуации, которые могут негативно повлиять на твоё состояние. И помогать во всем, где понадобится.

– Как нянька? – вырывается у меня нервная усмешка.

И тут вдруг Айден решает ответить сам. От его тихого низкого голоса моя усмешка почему-то обрывается.

– Как специалист своего дела, – вежливо поправляет он. – Но если вам потребуется сиделка, я предоставлю и такие услуги.

Из-за этого выверенного бесцветного тона его голоса невозможно понять, шутит он или нет. Я сжимаю губы, признав поражение – ответную колкость мне не подобрать. В напряженном молчании я сверлю мужчину взглядом, будто пытаюсь выбить из колеи, а Айден с прежним непробиваемым спокойствием наблюдает за мной, будто бы уже приступив к работе. Под его закрытым, неясным взглядом я ощущаю себя неуютно.

Кашлянув, отец решает прервать неловкую паузу:

– А еще я записал тебя на консультации к психотерапевту из той же клиники.

Это становится настоящим ударом. Глаза застилает пеленой, от паники начинается озноб, а мысли путаются между собой. Каждая из них вопит: нет, нет, нет, я не вернусь туда больше. Сквозь матовое стекло перед глазами я замечаю движение телохранителя ко мне. Отец останавливает его взмахом руки – и правильно, иначе меня накрыло бы окончательно. Шумно выдохнув, я отступаю на несколько шагов назад и постепенно возвращаюсь в реальность.

– Шелл? – зовет меня папа.

– Не надо... никаких психотерапевтов. А тем более... там. Я не вернусь туда. Никогда. Никогда...

Отчаяние, которым пропитано каждое мое слово, лишает отца прежней решимости. Они обмениваются взглядами с Айденом, а я зажмуриваю глаза, ощущая себя подопытным кроликом, эксперимент над которым показал неудовлетворительные результаты. Смотри, Айден, насколько сложной будет твоя работа...

– Я думал, тебе это необходимо, – бормочет папа. – Я ведь не специалист. Врачи сказали, что так будет лучше. Так ты быстрее справишься со своими проблемами. Нет, так нет. Я тебя понял. Но, если я замечу ухудшения в твоём состоянии, спрашивать не буду. Учти это.

Отлично. Вот и прекрасный аргумент в пользу того, чтобы всегда надевать маску спокойной и здоровой девочки, если в поле зрения будет отец. Я чувствую, как начинаю задыхаться, но не показываю этого. Вспоминаю, что лестница на второй этаж находится прямо позади меня, оглядываюсь, намереваясь как можно быстрее покинуть это место.

– Куда ты? – устало спрашивает папа.

– Пойду искать свою комнату. Хочу немного отдохнуть, ладно?

Отец хмурится. Похоже, он разочарован моим поведением. Но видят небеса, если я останусь здесь, будет только хуже. Я чувствую, как *это* наступает. Как давит на затылок, спускается вниз по шейным позвонкам и сковывает цепкой хваткой. Как воздух застревает где-то в груди, а в легких как будто не хватает места, чтобы я могла вдохнуть.

– Скоро подадут ужин, я думал, мы поедем вместе.

– Я не голодна.

Сейчас мне точно кусок в горло не полезет. Когда перед глазами проплывает первая темнеющая пелена, я разворачиваюсь, почти бегом взбираюсь по лестнице и оказываюсь в коридоре второго этажа. Слышу, как позади раздаётся тихий приказ отца:

– Приступай к обязанностям, Фланаган.

Черт, черт, черт! Только бы он не... Ну конечно! Он идет за мной. Нужно успеть закрыться в комнате... только где она? Я ведь даже не спросила...

Туман в глазах мешает обзору, окутывает мысли омутом. Сердце ускоряется и начинает покалывать, мне кажется, что ему просто мало места внутри грудной клетки. Слыша шаги позади, я резко разворачиваюсь.

– Уйди, – выпаливаю я единственное, что могу членораздельно произнести.

Телохранитель останавливается и смиряет меня внимательным взглядом. Айден очень высокий...

– Я могу покинуть пост, только когда буду уверен, что с вами все в порядке, – так же сдержанно поясняет он. – А пока я вижу обратное. Позвольте помочь.

Если этот клоун сделает хоть шаг в мою сторону...

А ведь именно это он и делает.

Отдав контроль над телом рефлексам, я будто бы со стороны наблюдаю, как поднимается в воздух моя рука, занесенная для удара. Айден ловко перехватывает ее, не причиняя боли, а просто удерживая. Я не могу двигать рукой, хоть и вкладываю всю силу, а он даже не напряжен.

– Не стоит, – безмятежно просит Айден. – Я не груша для битья. Если вам не хватает спортивного инвентаря, обратитесь к своему отцу.

Он полагает, будто бы я срываю на нем злость. Это даже лучше, чем если бы почувствовал мой страх. И лучше, чем если бы он знал, почему я так пытаюсь скрыться от чужих глаз.

А он узнает. Прямо сейчас. Приступ наносит свой сокрушительный удар – клетка захлопывается, выбивая из меня воздух. Я судорожно пытаюсь вдохнуть, напряженно вгоняю кислород в легкие, но его никогда не будет достаточно. К счастью, меня отключает быстро: онемение охватывает затылок и шею, а после подступает спасительная темнота.

Как и всегда. Никаких улучшений. Успеваю испытать чувство вины и самоуничижения, пока мои ноги начинают подкашиваться. Клянусь, я была готова встретить затылком пол. И я не сразу понимаю, почему этого не происходит, пока не слышу сквозь ватную пелену громкий голос:

– Мистер Мэйджерсон! Сюда!

* * *

Когда я прихожу в себя, то не сразу понимаю, где нахожусь. Атласное покрывало холодит кожу, большая подушка удобно располагается под головой. Я медленно открываю глаза, и тут же мутная картинка перед ними отзывается во мне тошнотворной волной. Сжимаю губы, дабы подавить рвотный позыв – желудок все равно пуст. Не сразу, но я замечаю отца, сидящего в напряженной позе в кресле совсем рядом с кроватью.

– Принеси холодной воды, – отдает папа приказ.

Айден тенью направляется прочь из комнаты и скрывается за дверью. Оставшись наедине со мной, отец тяжело вздыхает и потирает ладонью лицо.

– И после этого ты будешь продолжать делать вид, что с тобой все хорошо? – тихо спрашивает он.

Губы сами собой выдают слабую натянутую улыбку. Ответить не могу – в горле пересохло, а язык приклеился к небу. Но я бы ответила...

Да, пап. Всегда буду. Это моя вечная борьба. Может, за собственное достоинство. А может, просто за себя саму.

Даже когда в ней уже нет никакого смысла.

Глава 2. Широкий спектр услуг

Когда возвращается Айден, папа отдает приказ внимательно присматривать за мной, а сам уходит, оставляя меня наедине с телохранителем.

Я мрачно наблюдаю, как он подходит к кровати и протягивает мне стакан с водой. Намеренно игнорирую его жест и тяжелым взглядом смотрю телохранителю в глаза. Айден, не растерявшись, молча ставит стакан на прикроватную тумбу. Крепкий орешек.

Оставив попытку прожечь его взглядом, я наконец обращаю внимание на саму комнату. Рассматриваю огромный шкаф-купе у стены и длинный стол, переходящий в целый комплекс для хранения всякой всячины и декора. По другую сторону от него в стену вмонтирован искусственный камин, напротив которого располагается бежевый кожаный диван. Возле него начинается секция стеллажей и закрытых книжных шкафов. Понятия не имею, сколько вещей нужно иметь, чтобы заполнить все это пространство. Судя по чемодану, сиротливо оставленному у окна, я и правда буду жить здесь.

С ума сойти.

Похоже, мне не удастся скрыть живой интерес, с которым я изучаю комнату, поскольку Айден наблюдает за мной с пристальным вниманием. Почему-то я испытываю желание оправдаться за проявление эмоций и бормочу:

– Эта комната больше половины маминой квартиры. Просто... удивлена.

От его молчания ощущаю себя еще глупее. Вздохнув, я решаю задать хоть один вопрос, который пополнит мои скудные знания о новом доме:

– А где живут работники, которых нанимает папа? Вас много?

– Весь штат охраны располагается в восточном крыле на первом этаже, – бесстрастно отзывается Айден. – В состав входит около десяти человек.

Лучше бы не спрашивала. Кошмар... Десять человек. И это только количество охранников.

– У моего отца паранойя? – вырывается у меня прежде, чем я успеваю обдумать вопрос.

Айден издает вздох, который отдаленно напоминает усмешку. А может, я сама стараюсь видеть в его поведении хоть какие-то присущие человеку черты, чтобы его непроницаемость не так сильно нервировала меня.

– Насколько я знаю, ваш отец полностью здоров. Что касается вас... могу я уточнить суть вашего заболевания?

Я тяжело вздыхаю. Аккуратно сажусь в кровати и перевожу взгляд на окно, не зная, стоит ли мне отвечать. С одной стороны, я не обязана рассказывать о себе лишнее, с другой... какая, в принципе, разница? Лучше я отвечу на такие вопросы сама, чем Айден будет беседовать об этом с моим отцом.

– Посттравматическое стрессовое расстройство, психосоматика, какие-то проблемы с сосудами и шейным отделом. – Я говорю тихо, с безразличием в голосе, будто бы рассказываю о ком угодно, но не о себе. – Это то, что назвали врачи. Смешно, но ни одно из их заключений даже болезнями не назвать, просто сборник из неопределенной симптоматики и нарушений. Разве папа не говорил тебе?

– Говорил. Просто хотел услышать это от вас и понять личное отношение к диагнозу. Это поможет мне лучше выполнять свою работу.

– И как, понял?

– Вполне, – спокойно отвечает Айден. – Вы не слишком серьезно относитесь к своему состоянию.

Комната погружается в тишину, поскольку ответить мне нечего. Телохранитель долго молчит, а потом уточняет бесстрастным тоном:

– Ваши обмороки входят в симптоматику?

– Не нужно лишней вежливости, – вздыхаю я тихо. – Ты и так явно старше меня. И да, обмороки... тоже оттуда. При стрессе, особенно при продолжительном, мне просто как будто перекрывают... кровь, кислород, не знаю, как будто все сразу. Дерьмовое кровообращение, вот что они сказали. – Я горько усмехаюсь. – Для этого обтекаемого вывода им потребовалось три недели мучить меня в стационаре.

Я не знаю, почему из меня лезут эти откровения. Почему выдаю слово за словом, вытягивая из себя эту титанически тяжелую цепочку подавленного отчаяния.

В комнате воцаряется молчание. Я жалею о том, как много рассказала незнакомому человеку, и еще хуже то, что я совсем не понимаю его реакцию на услышанное. Меня нервируют люди, которых невозможно прочесть, а Айден яркий тому пример. Телохранитель остается все таким же непроницаемым и закрытым, будто не живой вовсе. И вот эту ходячую мумию мне предстоит терпеть большую часть своего времени?

Хорошо, что Айден не стал спрашивать о том, что было «до». ПТСР¹ подразумевает конкретную причину, и я рада, что телохранитель не задает прямых вопросов на этот счет.

– Какие рекомендации дали при выписке?

От его голоса я вынырываю из своих мыслей.

– Ну, мне прописали массаж шейного отдела. Типичная отмазка, лишь бы написать что-то в графе рекомендации.

– И как?

– Я ходила... пару раз, – неуверенно отвечаю я. – Пока отец не забрал меня.

– Ясно.

Более многозначного ответа трудно себе представить. Я опускаю голову, ощутив привычную волну стыда. Лучше бы ничего не говорила.

От внимательного, изучающего взгляда Айдена становится не по себе. Он молча сканирует меня, а потом неожиданно спрашивает:

– Почему ты стыдишься того, о чем рассказала?

Я резко поднимаю голову. Неужели меня так легко прочесть?

– Не знаю, – отвечаю я после долгой паузы. – Я никогда не умела принимать свои слабости. Все это звучит как-то... глупо, что ли. Словно я просто требую внимания к себе.

Айден как-то неоднозначно покачивает головой.

– В детстве твои проблемы часто обесценивали, не так ли?

Смешок вырывается сам собой. Эту схему я хорошо знаю.

– Вот только не надо становиться психологом-всезнайкой, ладно? Слишком широкий у тебя спектр услуг.

К моему удивлению, Айден молча кивает и оставляет попытки провести сеанс поддержки. Я украдкой наблюдаю за ним, гадая, неужели он всерьез будет исполнять все, что я скажу. Вот так просто взял и послушно заткнулся? Нисколько не оскорблен тем, что я им командую?

Интересно.

* * *

Утром отец уезжает в город ради срочных дел – так мне передает невысокий мужчина из персонала. Мысленно я решила звать его «лакеем» – настолько комично на нем смотрится белый строгий фартук, будто мужчина сбежал из ресторана прямо перед подачей блюд в зал.

---

¹ Посттравматическое стрессовое расстройство (Здесь и далее прим. ред.).

За неуместным юмором я привыкла скрывать волнение. Еще не готова оставаться в доме отца без него, несмотря на то, что наше первое общение было далеко от идеального. Постоянное присутствие телохранителя, тенью следующего за мной, отнюдь не добавляет спокойствия. Мне удастся снова пройтись по дому, прогуляться по прилегающей территории, изучая оранжерею, сад, тенистую аллею и совсем дикие участки впереди. Вся территория обнесена высоким каменным забором с линией черепицы, а единственный выход – главные ворота. Ну или белкой по деревьям.

Легкое урчание живота подсказывает мне неплохую идею – можно попробовать приготовить себе что-то поесть. Приходится спросить Айдена о том, как попасть на кухню, и телохранитель без лишних вопросов проводит меня в нужное помещение. Пока я осматриваю кухню, больше похожую на часть ресторана, Айден что-то тихо говорит местному повару, и вскоре мне предоставляется возможность немного похозяйничать. Мы остаемся с телохранителем наедине.

Приготовление пищи странно успокаивает. Поиск ингредиентов оказывается интересным квестом, а сосредоточенность на рецепте помогает мне победить скованность и тревогу. К моему счастью, Айден ничем не выдает своего присутствия, почти слившись с мебелью подальше от меня.

Я критически оглядываю подготовленные ингредиенты и вздыхаю, приступая к самой нелюбимой части – нарезке. Признаться, в свои двадцать один я так и не умею толком пользоваться ножом. Но если раньше меня смущала только природная неловкость в обращении с такими вещами, то теперь... мне становится страшно от одного взгляда на простые кухонные ножи.

В ее руках был похожий.

Пытаюсь избавиться от этой мысли, не дав ей развиться, и с излишним упрямством берусь за небольшой хлебный ножик. Он не так пугающе выглядит на фоне своих собратьев, да и порезать хоть что-то кроме своих пальцев я могу только таким.

Раз, два, три. Ножик тихо скреблет деревянную дощечку, а сок от сладкого перца слегка растекается по ее поверхности. Я концентрируюсь только на результате, а не на мысли, что в моих руках находится нож. Нет ничего страшного в этом ерундовом кухонном предмете. Чертовом предмете! Он скорее давит этот перец, а не режет его.

Кухня вокруг меня начинает знакомо темнеть. Я встряхиваю головой, зажмуриваюсь и широко раскрываю глаза, прогоняя волну наваждения. Это уже просто смешно.

Когда лезвие задевает палец, сначала я даже не понимаю, что произошло. Когда вспыхивает совсем тихая боль, через мое тело будто бы проходит электрический разряд. Испытав скачок ничем не оправданного испуга, я отскакиваю прочь от стола, выронив нож на пол.

Прижав к губам порезанный палец, я слышу позади себя тихие шаги. Резко оборачиваюсь на Айдена и смотрю прямо ему в глаза, одним взглядом предупреждая, что ему следует остановиться. Телохранитель покорно замирает всего в двух шагах от меня. Он сосредоточенно смотрит на мою руку, пытаясь оценить серьезность раны.

– Отбой тревоги, – бросаю я прохладно.

– Если понадобится помощь, дай знать.

Я оглядываюсь вокруг, прикидывая, может ли где-то на кухне храниться аптечка. Или в таких богатых домах на это отведен свой собственный медпункт? Слышу позади себя тихий вздох. Айден покидает кухню и возвращается через пару минут, держа в руках новую аптечку. Он молча ставит ее на кухонную столешницу и надрывает пленку, одним движением снимая ее с коробки.

– Спасибо, – тихо выдавливаю я то, что должна.

Открыв аптечку, Айден в такой же тишине возвращается на свое место недалеко от окна. Телохранитель периодически смотрит в него – то ли разглядывая пейзаж, то ли проверяя тер-

риторию. Вот и сейчас он всматривается куда-то вдаль, а потом вдруг возвращает взгляд на меня. Я прерываю секундный зрительный контакт и начинаю рыться в аптечке.

В голову снова лезут тревожные мысли. Я совсем не хочу, чтобы обычные бытовые вещи приводили меня в такое состояние. Я не хочу сталкиваться с этими проклятыми приступами. Я не хочу быть... такой.

– Порез сначала нужно обработать, а потом уже...

Я сжимаю в ладони пачку пластырей.

– Хватит! – срываюсь я окончательно, не столь от очередной незваной помощи, сколь от мыслей, загоняющих меня в ловушку.

То ли из-за отсутствия других реакций от природы, то ли из-за поразительного профессионализма, Айден лишь кивает, отчего я ощущаю себя просто отвратительно. Честное слово, лучше бы он ответил мне то, что я заслужила. В глубине души я прекрасно понимаю, что обхожусь с этим человеком несправедливо грубо.

Наклеив пластырь на порез, я тихо произношу:

– Давай договоримся. Без моей просьбы ты не лезешь ко мне, ладно? Сливайся с мебелью дальше, и я не буду на тебя орать. Обещаю.

* * *

Этим вечером я бросаю попытку разобрать чемодан и снова списываюсь с Софи. Общение с подругой действует лучше любых успокоительных.

Ты не представляешь, какой это кошмар.

Начинаю я с тяжелым сердцем.

Звучит многообещающе. Я слушаю.

Я рассказываю ей все. И об отце, в общении с которым я максимально скованна, и о телохранителе, который смог расположить меня к откровениям, и о моих попытках установить личные границы, и о многом-многом другом, что тревожит меня.

Софи читает мои многострочные тексты и отвечает на все сразу голосовым сообщением. Я с улыбкой слушаю подругу, закрываю глаза и падаю спиной на кровать. Впервые за весь этот бесконечно долгий день я ощущаю себя в безопасности.

Свое сообщение Софи заканчивает неожиданным вопросом:

– А вообще, этот твой телохранитель хотя бы симпатичный?

Я резко раскрываю глаза, стирая неожиданно появившийся образ четких линий лица и серых глаз Айдена. Поворачиваюсь на живот, беру телефон в руки и набираю быстрое сообщение:

Ну... наверное, да. Но какая разница?

Судя по твоему ответу, он так же роскошен, как и все в доме твоего папы.

Гласит новое сообщение от Софи.

Я в растерянности перевожу взгляд от экрана в темноту комнаты. Тем временем подруга начинает видеозвонок, и его я принимаю уже с толикой волнения. Первым делом, едва взглянув на меня, Софи в ужасе выпаливает:

– Господи. Что с тобой стало?

Я в растерянности ставлю телефон на блокировку, не прерывая звонок. В темном отражении экрана смотрю на волосы, когда-то бывшие светло-пшеничными, а теперь выглядящие

выцветшими. Им в тон оказываются такие же блеклые серо-зеленые глаза. Лицо сильно осунулось, ничуть не утончая черты, а наоборот, уродуя их.

Да уж... раньше я выглядела ярче.

– Хэй, все не так плохо, – замечает Софи мой помрачневший вид и мягко переводит тему: – Вообще, теперь я тебе даже завидую. Нет, не пойми неправильно, я знаю, что события в целом отвратительные, но... слушай, может, поверишь мне на слово? Мне кажется, сейчас все вокруг тебя не так плохо.

В задумчивости прикусываю губу. Отрицать слова Софи бессмысленно – я и сама знаю, что грешу излишним пессимизмом. Как бы взять и перепрограммировать свое восприятие, избавиться от триггера, всякий раз обращающего мой страх в агрессию и апатию? В какой код сознания нужно пролезть, чтобы все это исправить?

Закрыв глаза, я блокирую экран телефона и накрываю лицо мягким пледом.

Глава 3. Начало цепочки

О переводе на домашнее обучение я узнаю от преподавателей.

Спустя несколько дней после моего приезда в дом отца я получаю письмо на электронную почту. Меня просят найти время, чтобы приехать в университет, обсудить пару моментов и взять необходимые для самостоятельной проработки материалы на целый семестр.

Чуть позже я узнаю о том, что домашнее обучение оформил мой отец. Раньше я бы восприняла такие новости с большой долей облегчения, но сейчас эти перемены меня не радуют. Они только сокращают шансы на ту жизнь, которая хотя бы отдаленно напоминала бы *мою*. Мне не удастся даже поговорить с папой – он каждый день уезжает рано утром и возвращается за полночь.

Я стараюсь взять себя в руки. Подняв с пола рюкзак, проверяю рукой содержимое карманов, пока наконец не касаюсь холодного металла. Достая ключи от машины и глупо улыбаюсь. Я ужасно скучаю по своей малышке. Если бы только была возможность забрать ее с собой сразу же...

Возникает закономерный вопрос, как теперь добраться до университета. В памяти всплывают воспоминания о глухих лесах, мелькавших за окном автомобиля во время поездки сюда. Конечно, у отца наверняка есть водители, но он уехал еще ранним утром, а навязываться я не привыкла... к черту. Доберусь до шоссе, а там узнаю, ходит ли какой-нибудь транспорт.

В задумчивости я покидаю свою комнату и вздрагиваю, когда краем глаза замечаю высокий силуэт совсем рядом с дверью. От испуга душа ныряет в пятки, а я резко подаюсь в сторону. Айден, стоя в расслабленной позе со сложенными за спиной руками, слегка поднимает брови.

– Прощу прощения. Не хотел напугать.

Его внимательный взгляд прикован ко мне, будто бы телохранитель опасается, что я снова могу упасть в обморок. С моих губ срывается нервный смешок.

– С каких пор ты под дверью ошиваешься? – спрашиваю я грубее, чем хотела бы.

– Это мой обычный пост.

Я глупо открываю рот, даже не зная, как сформулировать мысли.

– И давно ты тут? – выдаю я один из наименее интересующих меня вопросов, зато самый безобидный.

– Мой рабочий день начинается в пять утра. Если потребуется, я в твоём распоряжении круглосуточно.

подавляю тяжелый вздох. По неизвестной мне причине я ощущаю необъяснимый укол вины и тут же напоминаю себе: этот человек сам согласился на такую работу, его вряд ли кто-то заставлял.

– Могу чем-то помочь? – нарушает Айден затянувшееся молчание.

Я смотрю на него с легким недоверием.

– Где ближайшая остановка в сторону города? Мне нужно попасть в универ.

– Нет нужды искать автобус, – спокойно отзывается Айден. – Я довезу.

Это несколько не лучше, чем напрашиваться к незнакомому водителю. Отчаянно хочется взвыть, но вместо этого я с усмешкой уточняю:

– Так ты еще и личным водителем подрабатываешь?

– Нет. Но права и машина у меня есть. Поскольку в мои обязанности входит любая помощь, я выполняю то, что нужно в конкретной ситуации.

– И правда широкий спектр, – шепчу я и тихо вздыхаю. – Ладно. Когда ты можешь?

– Когда скажешь.

Видимо, помимо меня дел у него нет вовсе. Опустив взгляд в пол, я медлю, раздумывая, а потом поднимаю голову.

Наши взгляды снова пересекаются: спокойный, непроницаемый – у Айдена, лихорадочно мечущийся и напряженный – у меня. Эта разница кажется мне смешной и пугающей одновременно. Было бы намного проще, если бы я понимала эмоции этого человека.

– Тогда прямо сейчас, – решаю я.

Вместе со мной Айден спускается на первый этаж. Из холла он сворачивает в северное крыло особняка и оттуда проводит меня в просторное, холодное помещение, которое я признаю не сразу. Тихим шелчком Айден зажигает свет, и мое сердце останавливается.

Это гараж. Гараж, полный машин.

Дорогие внедорожники, полуспортивные люксы, простые паркетники и седаны... здесь намешано слишком много всего. От заурядных машин, наводняющих улицы Сиэтла, до настоящего бизнес-класса. В неярком освещении поблескивает начищенный кузов каждой красотицы, и у меня захватывает дух.

Каждый из моих ребят отдал бы душу за возможность оказаться в таком месте.

– Здесь свой транспорт держат все работники дома и сам мистер Мэйджерсон, – поясняет Айден.

Я делаю несколько неспешных шагов вдоль ряда припаркованных машин. Прохожу мимо черного тонированного Geländewagen, оглядываю совсем новую Mazda CX-5. Изучающе засматриваюсь на брутальный Rolls Royce, улыбаюсь столь узнаваемой Tesla Model S.

А потом я останавливаюсь возле серой BMW. Если не ошибаюсь, передо мной настоящая M8 в версии Gran Coupe. Эта красотица заставляет сердце биться чаще – мне нравится в этой машине абсолютно все. Сбалансированный и утонченный дизайн, строгость изгибов, естественность каждой детали. Эта малышка – венец творения. Не удержавшись, я почти ласково касаюсь ладонью капота.

– Чья она? – решаю я наконец спросить.

Может, удастся прокатиться на ней хотя бы один раз. От моего внимания не укрывается то, как телохранитель медлит с ответом, и спустя секунду я понимаю, почему.

– Моя.

Кровь приливает к лицу. Я тут же отдергиваю руку от капота, пока Айден неспешным шагом приближается к своей машине. Из кармана пиджака он достает сенсорный ключ, сжимает его пальцами, и мгновение спустя BMW мигает фарами. Айден подходит к передней двери со стороны пассажира и открывает ее, после чего отступает в сторону. Я не сразу понимаю, чего он ждет от меня, а потом, спохватившись, сажусь в машину.

До чего же приятно пахнет в салоне. Кожаная обивка сидений, нотки запаха цитрусового стеклоомывателя. Все это примешивается с едва уловимым ароматом, природу которого я понимаю, только когда Айден садится за руль.

Это его одеколон. Чуть терпкая древесная основа, кориандр и нотки эстрагона.

Нажатием кнопки возле руля он заводит двигатель. Я на автомате вспоминаю про ремень безопасности и тяну его к замку. У меня не получается попасть язычком в защелку.

Когда Айден, решив помочь, случайно касается моих рук, я отстраняюсь настолько далеко, насколько это позволяет салон машины. Телохранитель кидает на меня вопросительный взгляд и легко справляется с замком ремня безопасности.

– Все хорошо? – так же бесстрастно уточняет он и намеренно не поднимает на меня глаза. Будто от этого мне должно стать легче.

– Угу.

К счастью, больше вопросов он не задает, а я стараюсь концентрироваться на приятном звуке, издаваемом тихо урчащим двигателем. Мы выезжаем из гаража. Как же мягок ход этой машины...

Возле главных ворот Айден притормаживает, опускает стекло и кивает человеку в будке. Пока ворота плавно открываются, телохранитель выдает краткую сводку:

– Путь займет около полутора часов. На задних сиденьях есть вода и снеки. Если захочешь, бери.

Я тут же отмахиваюсь от предложения. Зря. Водичка бы пригодилась. Когда серая BMW набирает скорость и мягко лавирует по витиеватой трассе, меня начинает укачивать. Сначала – в пределах терпимости, но чертов серпантин никак не заканчивается, и я сталкиваюсь с угрозой опозориться.

Похоже, я слишком сильно нервничала, когда впервые ехала в дом отца, что меня и спасало. Сейчас же... будь проклят тот плотный завтрак.

Мое упрямство не позволяет мне попросить сбавить скорость или остановиться. Айден водит уверенно и аккуратно, но это никак не спасает меня от укачивания. В какой-то момент мне становится настолько плохо, что я впиваюсь пальцами в дверную ручку.

Это не укрывается от внимания телохранителя. Прежде, чем он успевает задать вопрос, я сдаюсь и выдавливаю из себя тихое:

– Останови...

Айден резко жмет на тормоз. Я крепко зажмуриваю глаза и задерживаю дыхание, упираясь рукой в бардачок. Когда машина съезжает на обочину и наконец останавливается, я не с первого раза открываю дверь, отстегиваю ремень безопасности и выбираюсь на свежий воздух.

Наконец-то. Я медленно вдыхаю и выдыхаю спасительную прохладу, стараясь взять себя в руки. Не нужно этого позора, терпи, Мэйджерсон, терпи...

Я даже не понимаю, как Айден успевает оказаться возле меня. Замечаю лишь его внимательный взгляд и бутылку воды в его руке.

– Прошу прощения. Нужно было ехать медленнее.

Мне хочется ответить грубостью, но тошнота сдавливает горло так, что я предпочитаю промолчать. Чтобы как-то переключиться, я начинаю медленно идти вперед по обочине. Позади я слышу тихий хруст гравия – Айден тенью следует за мной.

Глухое раздражение прокатывается по венам. Я резко останавливаюсь, разворачиваюсь к телохранителю и, как мне кажется, буквально испепеляю его взглядом. Айден спокойно встает возле меня и безмятежно смотрит в глаза. Я снова сталкиваюсь со стеной непроницаемости и понимаю, что все мои глупые попытки смерить его взглядом похожи на детские игры. Вздохнув, я резким движением выхватываю у него несчастную бутылку с водой.

* * *

В кабинет декана я влетаю без стука, желая как можно быстрее разобраться с делами. Двадцать минут бюрократии и нудных речей мистера Хейсона – и я наконец свободна.

Когда я уже собираюсь направиться к лестнице, случайно замечаю впереди знакомую кислотно-зеленую толстовку. В сердце мелькает осторожная радость, и, присмотревшись, я улыбаюсь и бегу вперед. Догнав друга, ловлю его в крепкие объятия со спины. Питер вздрагивает от неожиданности и тут же разворачивается. Его худое вытянутое лицо озаряется сначала удивлением, а следом и радостью. Парень тут же сжимает меня в ответных объятиях.

– И года не прошло! Где ты была столько времени?!

– Если расскажу, не поверишь, – с улыбкой отвечаю я.

Юноша осматривает меня с головы до ног, будто бы убеждаясь, что я в самом деле стою перед ним. Вдруг он переводит взгляд куда-то за мое плечо и от удивления приоткрывает рот.

– А это... с тобой? – в легком опасении уточняет Питер.

Я даже не оборачиваюсь, чтобы лишний раз не видеть непроницаемую маску Айдена.

– К сожалению, да, – фыркаю я. – Не обращай внимания. Это мой... вроде как телохранитель.

– Чего? – Питер настороженно смотрит на меня.

– У меня был примерно такой же вопрос, когда папа всучил мне его.

– Папа? – с изумлением переспрашивает Питер. – Ты что, виделась с отцом? И я только сейчас об этом узнаю?

– Я никому не говорила о последних событиях в моей жизни, – лукавлю я, заглушая голос совести, который шепчет имя Софи.

Питер уже собирается что-то спросить, но его отвлекает знакомый ехидный голос:

– О, нерд снова пытается выйти из френдзоны.

Нейтан Пирс.

Как жаль, что он еще не издох.

Прямо на моих глазах радостные эмоции на лице Питера трансформируются в затравленность и смирение. Эта перемена происходит в нем так быстро, что мне всерьез становится страшно за друга.

Я медленно поворачиваюсь и сталкиваюсь с улыбкой-оскалом. Нейт несколько не изменился с того времени, как я видела его в последний раз. Все те же зачесанные назад блондинистые волосы, проколота в трех местах бровь и колкий, скользкий взгляд прищуренных глаз. Нейт всегда пользовался популярностью за счет своей на редкость красивой мордашки.

Нейтан Пирс травит моего друга с первого курса.

– Эти уроды снова цепляют тебя? – я спрашиваю Питера, лишь слегка повернув к нему голову.

Нейтан фыркает от смеха. Пусть веселится.

Я лишь раз кидаю взгляд в сторону телохранителя, незаметно стоящего в стороне. Айден коротко кивает, ожидая приказа. Меня несказанно радует, что он не лезет не в свое дело.

– Все хорошо, Шелл, – заторможенно отвечает Питер, собравшись с мыслями. – Пойдем отсюда.

– Значит, цепляют, – вздыхаю я. – Стоило только пару-тройку недель тут не появляться, а эти шакалы снова распоясались.

Я криво улыбаюсь и направляюсь напрямик к Нейту. Он выше на голову, и когда я оказываюсь почти вплотную к нему, мне приходится смотреть снизу вверх. Нечто опасное плещется в моих глазах, из-за чего Нейт теряет прежнюю самодовольную улыбку.

Я могла бы сказать, что не боюсь Нейта за его выходки и издевательства, которыми он и его компания травят изгоев. Могла бы убеждать себя, что не боюсь Нейта за его влияние, наглость и безнаказанность, подпитываемые за счет богатых родителей. Могла бы верить, что не боюсь Нейта за то, что он парень. Но все это ложь. Мне знаком страх. Он часто управляет мной в последние полгода.

В этом чувстве, столь низменном и пристыженном, есть один неоспоримый плюс: его легко превратить в гнев. Гнев же прекрасно трансформируется в силу. Она – в защиту. А та – в безопасность. В этот самый момент страх медленно исчезает, словно сгоревшее в двигателе топливо. Но если ошибешься хотя бы в одном звене этой цепи, то все может пойти под откос. Так и рождается неконтролируемая агрессия, срывы и социопатия.

Поэтому я всегда стараюсь держать свои эмоции под жестким контролем.

Ведь никто.

И никогда.

Не должен видеть.

С чего начинается эта цепочка.

Никто не должен видеть мой страх.

– Давно проблем не было, Нейт? – ядовито улыбаюсь я, наклоняя голову вбок.

Нейт возвращает свою излюбленную усмешку и наклоняется вперед, чтобы приблизиться к моему лицу. Его дыхание обдает меня ароматом мятной жвачки.

– А у тебя хватит смелости их обеспечить? – почти ласково спрашивает Нейт.

Страх сдавливает виски. В замешательстве я пытаюсь улыбнуться, но вместо этого скалюсь. Собираю в кулак всю энергию и делаю голос погромче. Пусть меня услышат как можно больше людей.

– При чем тут я, Нейтан? Ты и сам прекрасно справляешься. Ты собрал вокруг себя армию драных шлюшек и искренне веришь, что они рядом с тобой не из-за полных карманов. – Я улыбаюсь еще шире, почти ласково, и протягиваю: – Потому что на самом деле, Нейт, ты пустое место без денег своих родителей. Ты – та самая проблема.

Вокруг нас раздается смех – находящиеся поблизости студенты с интересом наблюдают за нашим столкновением. Кто-то смеется даже за спиной Нейта. Парень, который стоит с другой стороны, смеряет меня внимательным взглядом и кривит губы в усмешке. Реакцию третьего я не вижу – он почти закрыт спиной их лидера. Но настоящим призом для меня является гнев, мелькнувший в глазах самого Нейта. Впрочем, он быстро возвращает свой самодовольный вид и цедит с улыбкой:

– Этот раунд за тобой, детка.

Он не выглядит проигравшим. Я крепко сжимаю зубы, пока Нейт разворачивается и уходит прочь. Его прихлебатели следуют за ним, заставляя студентов расступаться.

Меня начинает колотить мелкой дрожью. Я опускаю взгляд в пол, концентрируюсь на управлении своим телом. Не знаю, насколько заметно такое состояние, но Айдэн медленным шагом подходит ко мне.

Я разворачиваюсь к Питеру и выпаливаю:

– Почему ты не обратился к нашим? Парни помогли бы тебе.

– Да и не стоило, я уже привык...

Я смотрю ему в глаза и тяжело вздыхаю. Кажется, сколько бы лет ни прошло, Пит не меняется.

Наше общение насчитывает уже тринадцатый год. Насколько я знаю, наши отцы когда-то работали вместе. Не знаю, так ли это до сих пор – после развода мама помешана на том, чтобы оградить меня от любой информации об отце. Она всегда была против моего общения с Питером, указывала на то, что ничего хорошего от этой дружбы ждать не стоит, но не могла заставить меня разорвать контакт с Питом. Мне всегда помогали утверждения о том, что он ни разу не рассказывал об отце, даже если и знал. Я заверяла ее, что никогда не буду даже пытаться что-то выяснить, а моя дружба с Питером не приведет ни к чему плохому. На этом мама чаще всего успокаивалась.

Я не знаю, что является корнем маминой ненависти к отцу. И, честно говоря... Не хочу знать.

Глава 4. Лишнее звено

Все больше о своем отце я узнаю по чистой случайности.

Утром, когда его уже давно нет дома, я спускаюсь в северную гостиную, где теперь завтракаю. Айден все так же всюду следует за мной. Слово «телохранитель» у меня стало ассоциироваться с надзирателем.

– Ты хоть когда-нибудь ешь? – мрачно спрашиваю я, занимая место возле подоконника.

– Да. Утром перед началом работы и вечером перед сном.

Я моргаю и с изумлением смотрю на Айдена.

– И как ты при этом... ну... ладно, что не сдох еще – можно понять, но как ты умудряешься сохранять хорошую форму? Ты должен быть тощим, как палка.

– Я пошутил, – отвечает он с прежней непроницаемостью.

– Неужели? – колко подначиваю я, не удержавшись. – Знаешь, с таким лицом у тебя не получается.

На его губах появляется подобие улыбки.

– Ты часто запираешься в своей комнате, дом покидаешь совсем редко. Времени, чтобы пообедать, у меня даже слишком много.

Я задумчиво покусываю губу. Раз уж Айден сегодня щедр на ответы, то можно поинтересоваться чем-то более весомым.

– Почему ты такой?

– М? – он вопросительно приподнимает бровь.

– Ну почему ты большую часть времени строишь из себя робота, у которого нет голоса и эмоций? Ты как будто прикидываешься неживым.

Айден долго молчит, обдумывая ответ. Когда он решает заговорить, его голос звучит так же спокойно и сухо, как раньше:

– Я проходил серьезную подготовку. Охрана объекта подразумевает строгое выполнение прямых обязанностей. Все остальное мешает работе. Именно благодаря этому я остаюсь на службе мистера Мэйджерсона. Он ценит профессионалов.

– Понятно, – вяло отвечаю я, не зная, что еще сказать.

Вскоре, когда лакей приносит на подносе завтрак на все вкусы и аллергии, я ощущаю недетский аппетит. От еды меня отвлекает тихая вибрация. В легком замешательстве оглядываюсь вокруг и замечаю на одном из кресел сиротливо оставленный телефон. По неброскому серому чехлу я сразу узнаю вещь.

– Папа забыл телефон, – киваю я в сторону кресла.

Айден посматривает на наручные часы.

– Мистер Мэйджерсон скоро вернется. Сегодня он обещал приехать раньше.

Даже мой телохранитель знает о делах отца больше, чем я. Тихо вздохнув, я уже собираюсь вернуться к завтраку, как вдруг папин телефон издает еще одно оповещение. Будь трижды проклято мое почти идеальное зрение и взгляд, который неосознанно притягивает к себе экран телефона, на котором видны последние сообщения.

Внутри все обрывается.

Удачи тебе сегодня. Верю в тебя! Люблю.

Почему ты не отвечаешь, родной? Я волнуюсь... Напиши мне, пожалуйста. Или позвони. Целую.

Подпись контакта кратка: «Шарлотта».

Вилка выпадает из рук. Айден подается в мою сторону, но вовремя останавливается, видимо помня суровые предостережения относительно его вмешательства. Я медленно вдыхаю и выдыхаю. Сосредоточиваюсь на работе легких, представляю, как кислород проникает в кровь и насыщает организм столь простым и необходимым элементом.

Прежде чем экран папиного телефона темнеет, Айден успевает понять причину моего ступора. На его лице по-прежнему нет эмоций, лишь взгляд, вернувшийся ко мне, становится более настороженным.

– Не собираюсь я истерить, – бросаю я глухо. – Это просто... неожиданно. И ожидаемо одновременно.

Получается, папа вовсе не один. Почему тогда он не рассказал, что мне предстоит познакомиться с его избранницей? Неужели собирался скрывать от меня детали своей личной жизни? Это бы сделало меня еще более чужой, чем раньше.

Впрочем, отец и так не проявлял инициативы в общении со мной с того самого момента, как я появилась в его доме. О причинах стоит только догадываться, но я не хочу даже думать об этом, чтобы в очередной раз не ошибиться. Я надеюсь, что причина всего этого кроется не во мне.

Благодаря приоткрытому окну я отчетливо слышу, как к дому подъезжает машина отца. Колеса мягко шумят по дорожке из гравия, пока белая Tesla паркуется возле главного крыльца. К моему удивлению, отец водит сам, а не пользуется услугами своих подчиненных. Я украдкой наблюдаю за тем, как он включает сигнализацию, хотя в этом нет особой нужды – особняк и прилегающая к нему территория охраняются. Возможно, многое в его действиях осталось делом старых привычек.

Отец из моих покрытых пылью детских воспоминаний не был настолько богат. Как сложно сравнивать пути матери и отца: жизнь приготовила им совершенно разные сценарии. Я наивно надеюсь, что никто из них не повлиял на нынешнее состояние друг друга. Хочется верить, что кому-то просто везет, а кому-то – нет.

Когда отец закрывает входную дверь, я иду к нему навстречу.

– Если увидишь повара, пожалуйста, передай ему мои извинения, – тихо прошу Айдену.

Я спускаюсь вниз, в обеденный зал, где отец уже занимает свое место во главе стола. Он приветствует меня кивком и улыбкой. Секунду я сомневаюсь, стоит ли позволять моим вопросам вырваться наружу.

– Ты уже завтракала? Для меня это уже скорее обед, но мы можем поесть вместе.

Я неоднозначно покачиваю головой и занимаю место неподалеку от отца. Он что-то ищет в своем кожаном кейсе, заглядывая во все отделения.

– Телефон? – как-то невпопад догадываюсь я.

Отец поднимает на меня удивленный взгляд.

– Да.

– Ты оставил его дома. Он в гостиной... в северной.

На лице папы появляется облегченная улыбка. Он ставит кейс на пол и поудобнее устраивается за столом.

– Ты давно встала? – непринужденно интересуется отец. – Как спалось?

Я не могу сосредоточиться на его вопросах. Все мое сознание поглощено мыслями и догадками, которые не дают мне покоя.

– Шелл?

Вздыхнув, я собираю волю в кулак, чтобы тихо и осторожно спросить:

– Пап, скажи, а у тебя есть кто-нибудь?

Отец отвечает не сразу. Он ждет, пока лакей снимет с подноса все блюда и скроется в дверях кухни. Разложив на коленях темную салфетку, папа поднимает на меня взгляд.

И врет.

– Нет. Почему ты спрашиваешь?

На моих губах появляется вымученная улыбка. Почему-то я перевожу взгляд на Айдена, стоящего неподалеку от дверей в обеденный зал. Кажется, он все это время пристально смотрел на меня. А может, взглянул только в момент, когда понял, что отец лжет.

Скорее всего, он делает это во благо. Вот только кого папа пытается защитить? Больно от мысли, что его опасения связаны именно со мной. Оберегает себя и своих близких от сумасшедшей.

Но это же сделала не я.

– Почему ты скрываешь ее? – почти шепотом выдыхаю я, опустив взгляд в стол.

– О чем ты? – теперь голос отца приобретает напряженные нотки.

– Шарлотта. – Имя незнакомки камнем застревает у меня в горле.

За столом воцаряется тишина. Слышно, как отец прекращает помешивать горячий чай, опускает ложку на блюдце, а потом вдруг вкрадчиво спрашивает:

– Ты лазила по моему телефону?

– Нет, – тут же выпаливаю я. – Увидела на экране уведомления, когда она писала тебе.

– Зачем ты смотрела?

Я сглатываю, внезапно ощутив острый укол вины.

– Я неосознанно...

– Шелл, мне очень неприятно от твоего поступка, – медленно произносит отец.

Хочется просто взять и провалиться сквозь землю. До боли в пальцах стиснув кулаки, я тихо говорю:

– Прости. Если бы я знала, что ты не один, я бы не приехала сюда. Не стала мешать тебе и... ей.

Отец устремляет на меня тяжелый взгляд.

– Вот именно поэтому я собирался представить вас друг другу, только когда ты будешь готова. Когда избавишься от этих глупых предрассудков и перестанешь считать себя временной гостьей.

Этой тихой фразой он говорит куда больше, чем мог бы передать огромной гневной тирадой. Я замираю, снова и снова прокручивая в голове каждое его слово. Около минуты требуется на то, чтобы во мне утихла буря вопросов и противоречий. Поднимаюсь со своего места и быстро подхожу к отцу, решив поддаться порыву. Слегка наклоняюсь и осторожно обнимаю папу, опустив голову на его плечо.

Он немного улыбается и целует меня в волосы. Этот простой жест с его стороны кажется мне невероятно ценным.

* * *

С момента выписки из клиники я почему-то стала ложиться рано – возможно, сохранилась привычка к больничному режиму. Однако этим вечером мне тяжело заснуть. Туманные размышления медленно крутятся в сознании, складываются в бесконечный, замкнутый круг.

В какой-то момент я сдаюсь. Медленно сажусь в кровати, провожу рукой по растрепанным волосам и зачесываю их назад. Поглядываю на электронные часы, горящие в темноте комнаты как маяк.

Почти полночь. Ребята наверняка только собрались.

Безумная мысль прокрадывается в мою голову и по-хозяйски устраивается там, потеснив кричащий голос рассудка. Я встаю с кровати, быстро надеваю поверх майки укороченную толстовку, натягиваю джинсы и наскоро обуваюсь.

К окну я подхожу с некой долей опаски и неуверенности. Не знаю, имеет ли моя безумная идея шансы на жизнь, но попытаться стоит.

Окно открывается без проблем. Прямо под ним расположена крыша террасы, выходящей на задний двор. Тут же, около дорожек, оставлены два прогулочных велосипеда – один из них является главным героем моей затеи.

Внимательно оглядываю прилегающую к заднему двору территорию. На мое счастье, охраны здесь нет, но она наверняка будет у главных ворот. Значит, мне нужен другой путь. Скептически оглядываю сплошной каменный забор с черепицей наверху и вдруг замечаю небольшой домик для хранения инструментов и садовых принадлежностей. Его крыша немного ниже забора.

Я бесшумно вылезая в окно и спускаюсь на крышу террасы. Аккуратно прикрываю за собой створки, но не до конца – чтобы можно было при необходимости вернуться тем же способом. Чуть сгибаю колени, дабы не привлечь внимание, и медленно подбираюсь к краю крыши. Высота небольшая, а внизу пышные клумбы. Мысленно попросив прощения у садовника, я бесшумно спрыгиваю вниз. Приземление на растения оказывается безболезненным, и я поскорее выбираюсь из них на газон. Поправляю примятые цветы и снова оглядываюсь по сторонам. Пока что мне везет – меня никто не заметил.

На углу дома висит одна из камер. Трудно судить о ее радиусе действия, поэтому я обхожу этот угол по огромной дуге. До велосипедов приходится добираться окольными путями – между аккуратно подстриженными кустами и ухоженными цветниками. Справиться с нервным напряжением мне помогает теплица, за которой я прячусь и перевожу дух. Отсюда я осматриваю место, где стоят велосипеды, и, убедившись в отсутствии охраны, бегом направляюсь к своей цели.

Осторожно откатываю один велосипед – тот, что выглядит попроще, и тут же зажимаю глаза от громкого стрекота цепи, возникающего от прокрутки колеса. Чертыхнувшись, я приподнимаю заднее колесо и качу велосипед на переднем до заветного домика.

Добравшись до невысокой пристройки, я не с первого раза затаскиваю велосипед на три закрытые металлические бочки. Забираюсь на крышу, а потом с трудом тащу свой транспорт. К моменту, когда я сбрасываю велосипед на землю с другой стороны забора, успеваю взмокнуть и устать.

Парни не простили бы мне такой девчачьей слабости. Живо представляю, как Лиам кривит лицо, сетуя на то, что я сдала позиции за последнее время, а Лео живо соглашается с ним и торопит меня, подталкивая в спину.

Я улыбаюсь и спрыгиваю на землю рядом с велосипедом. Стряхиваю грязь с ладоней и внимательно оглядываюсь, а потом сажусь на велосипед и наконец начинаю долгий путь.

Нельзя сказать, что среди сверстников я общительный и успешный человек. Но есть у меня одна теплая компания... И, если бы отец узнал о ней, он точно пришел в ужас.

Любому родителю было бы трудно привыкнуть к мысли, что его чадо связалось с бандой нелегалов, промышленяющих мелким воровством и незаконными услугами, связанными с ремонтом автомобилей. Особенно такому родителю, как мой отец. Ко всему прочему, я являюсь основателем и лидером этой банды. И теперь... кажется, пора возвращаться к моим ребятам.

К заброшенной автомастерской подъезжаю лишь в первом часу ночи – и это при том, что крутила педали на издыхании, дабы проветрить голову. Мне необходимо было отдать все силы, чтобы в голову не лезли тревожные размышления. Когда знакомое двухэтажное здание, стоящее на отшибе пригородного района, показывается впереди, я издаю облегченный выдох. Из расположенных слишком высоко окон льется теплый свет, а значит, ребята все еще там.

Я оставляю велосипед возле припаркованной машины Лиамы – настолько яркой, что она режет глаза даже в темноте. Улыбаюсь, восстанавливая дыхание после долгой поездки, и прохожу в просторное, обустроенное под наше убежище помещение.

Ребята в полном составе. Сидят, как и всегда, на сдвинутых к центру старых диванчиках и пуфиках, а низкий столик из поддонов заполнен коробками с пиццей и пакетами с бургерами.

Джексон – самый старший из нас, занимает одинокое кресло, косящееся на одну ножку. Его смуглое загорелое лицо выглядит слегка усталым и сонным. С течением времени мексиканский колорит его внешности стал изящнее и естественнее. Парень все так же не изменяет своей излюбленной черной безрукавке, которая позволяет разглядеть его накачанные руки.

Неизменный Лиам, душа нашей компании и ее главная проблема, разваливается на диване и пытается поймать ртом подбрасываемые вверх сырныи шаррики. Судя по пустым пивным банкам, сложенным с его стороны столика, сегодня он опять уснет прямо здесь.

Ноа – мозг всех наших «операций», генеральный штаб логики и кафедры совести, удерживающий нас от самых глупых затей. Сегодня он выглядит чуть мрачнее, чем обычно, всматривается в экран своего смартфона.

Даже Питер сегодня здесь. Он сидит спиной ко мне и пытается подобрать кусочек пиццы так, чтобы сыр не испачкал его штаны.

И наконец, Лео, самый младший из нас. Его присутствию я удивлена – ему еще четырнадцать, поэтому такие ночные посиделки могут вызвать вопросы у его семьи. Впрочем, раз здесь Джексон, все под контролем. Ему ведь недавно уже исполнилось двадцать три... Я все пропустила.

Я окидываю взглядом компанию своих ближайших друзей и искренне улыбаюсь. Остаюсь в тени и не спешу выходить в центр помещения, держу небольшую паузу перед тем, как показаться ребятам. Сердце сбивается с ритма и сжимается от распирающей меня нежности.

Нашу шестерку объединяет любовь к машинам, желание научиться мастерски в них разбираться, общие взгляды и комфорт, как-то сам собой возникший в нашем кругу. Эти ребята – мой оплот спокойствия, безопасности, надежности и энергии.

Даже после того, что произошло.

Как же я рада, что не испытываю приступа страха, видя их. Как же счастлива, что все еще ощущаю себя частью нашей компании.

Первым меня замечает Джексон. Юноша прерывает свой оживленный рассказ на полуслове и замирает. Он резко поднимается с кресла, отчего оно покачивается, словно не решаясь, на какую сторону закоситься снова. Во взгляде Джексона я читаю удивление и тревогу, но обе эти эмоции перекрываются облегчением. Его улыбка кажется мне заслуженной наградой за мой рискованный побег.

Остальные ребята в недоумении оглядываются назад. Лео издает восторженный визг и, в попытках перелезть через автомобильное сиденье, вытасченное из какой-то развалюхи, едва ли не падает вместе с ним. Ноа отнимает взгляд от телефона и с удивлением поднимает брови. Он смотрит на меня с долей недоверия – то ли сомневаясь, что я правда здесь, то ли беспокоясь, *почему* я здесь спустя столько времени. Возможно, они думали, что я решила покинуть команду, ничего никому не сказав. Черт, это было бы самым худшим раскладом.

Наконец свое внимание на меня обращают Питер и Лиам. И если мой старый друг лишь улыбается, не удивляясь моему появлению, то Лиам, издав несколько ругательств, поднимается с дивана и замирает.

– Да ладно, – именно он первым нарушает молчание. – Плюнь мне в глаз, если я один это вижу!

Парни наперебой приветствуют меня и задают целую череду вопросов, а я стою посреди помещения и улыбаюсь, пока по моему лицу текут слезы.

– Эй-эй-эй, прекрати реветь! – угрожающе требует Лиам. Он открывает и протягивает мне банку пива. Его мягкие темные волосы как всегда чуть растрепаны. – На вот, расслабься. И расскажи уже, какого черта с тобой произошло.

Я меланхолично рассматриваю острые черты лица Лиамы, пытаюсь отыскать в нем изменения. Его подбородок покрыт легкой щетиной, волосы как-то непривычно зачесаны, но в целом это все тот же Лиам, каким я его помню. Конечно, прошло недостаточно времени, чтобы я не узнала своих ребят, но в их лицах появилось что-то новое.

– Чего встала как вкопанная? – бурчит Лиам, все еще пытаюсь всучить мне бутылку. – Загрузка оперативной памяти?

Опомнившись, я забираю пиво из его руки и, запрокинув голову, делаю большой глоток. Хмельной вкус обжигает горло – ненавижу эту марку, но слишком сильно хочу пить.

– У-у-у, – присвистывает Ноа. – Похоже, нас ждет долгий и увлекательный рассказ.

Я отставляю в сторону банку и обвожу всех ребят беглым взглядом. Вздохнув, я тихо, без особой надежды произношу:

– Было бы здорово... если бы мы обошлись без этого.

– Ты издеваешься?! – тут же вспыхивает Лиам. Ему вторит разочарованное мычание Лео и Питера. – Думаешь, это нормально без объяснений исчезнуть на полтора с хреном месяца, а потом появиться как ни в чем не бывало? Где тебя черти носили, Мэйджерсон?

– Лиам. – От одного только тона Джексона парень замолкает. – Остынь.

Полагаю, именно Джексон занимал позицию лидера в мое отсутствие. Может, и не стоит менять сложившийся порядок. В прошлом мне не удавалось так просто влиять на вспыльчивого и неконтролируемого Лиамы. Наш черноволосый пожар – пожалуй, сердце нашей компании.

– Садись, Шелл, – Джексон кивает на теперь пустующий диван. – Пицца еще осталась.

Лиам демонстративно взмахивает рукой, пока остальные провожают меня внимательными взглядами. Я занимаю местечко с краю, дотягиваюсь до пепперони и с наслаждением откусываю кусочек. Несмотря на то, что пицца давно остыла, ее насыщенный острый вкус радует меня.

– Так ты... возвращаешься? – неуверенно предполагает Питер.

Занятая едой, я киваю. Это единственный вопрос, при ответе на который нисколько не сомневаюсь.

Среди ребят поднимается одобрительный гомон. Лиам садится на диван по другую сторону от меня и открывает новую бутылку.

– А вот за это уже можно отметить, – объявляет он. – Гоним стаканы. Ноа, твою мать, ты из чего пить будешь?

– Я свой выбросил, – невозмутимо отвечает Ноа. – Не хочу больше.

Лиам смотрит на него в упор и вдруг заявляет:

– Тогда из горла давиться будешь.

Как же я люблю их.

– Эй, наш лидер снова с нами, прояви уважение. – Лео толкает упрямого Ноа в бок, и в итоге наш умник сдается и кивает. Белокурые волосы спадают ему на лицо.

После тоста за мое возвращение за столом воцаряются привычные беседы. Я с интересом слушаю рассказы ребят о том, что я пропустила. От гордости за свою команду у меня распирает грудь. Зря времени они не теряли: совершили три успешные вылазки, пополнили наши запасы паршивых комплектующих для машин. Ноа и Джексон, наши главные механики, активно совершенствуются в своем деле. Лиам не знает себе равных в покраске автомобилей, разработке виниловых дизайнов на корпусах и прогрессе в умениях общего внешнего тюнинга. Питер все также совершенствуется в разведке, поиске рыбных мест для вылазок и продолжает обустройство нашей мастерской как под рабочее, так и под жилое помещение. Лео хвастается помощью и тому и другому.

Наконец Джексон поворачивает ко мне голову и задает вопрос, от которого у меня болезненно сжимается сердце:

– Кстати, где твоя машина? Я не слышал ее.

– Осталась у маминого дома.

Возможно, тон моего голоса и подавленный вид подсказали ребятам, что с этой темой надо быть осторожнее. Догадливый Джексон бросает на Лиама предостерегающий взгляд, а Питер тем временем осторожно поясняет:

– Я так понял, Шелл переехала к отцу.

В компании воцаряется тишина. Ощущаю на себе пристальный взгляд Лиама, заинтересованный – Лео и встревоженный – Джексона. Никто из них не лезет с расспросами, и за это я жутко благодарна парням.

– Мы можем подогнать, если дашь точный адрес, – предлагает Джексон, вызвав у меня теплую улыбку.

– Спасибо, правда. Но мне хочется сделать это самой.

Глава 5. Прошлое и настоящее

Ближе к рассвету я направляюсь в сторону маминого дома. Единственное, что заставляет меня волноваться до сих пор, так это мысли о том, что я не успею вернуться домой вовремя. Бросаю быстрый взгляд на экран телефона и пытаюсь рассмотреть время. Пять утра. Значит, телохранитель скоро приступит к своей работе, если в тот раз он не пошутил, рассказывая о расписании своего дня.

Эти размышления заставляют меня торопиться. К дому, в который я искренне надеялась больше никогда не возвращаться, я приезжаю, когда небо на горизонте окрашивается в цвет апельсина – начинается рассвет.

Передо мной возвышается простой, ничем не выделяющийся на фоне других многоквартирный дом. Я поглядываю на окна восьмого этажа: темнота в них одновременно несколько успокаивает, но и давит комом в горле. Какая-то часть меня ожидает, что сейчас на кухне загорится свет, и мама распахнет старенькие шторы, чтобы разогнать мрак. Она обязательно выйдет на балкон и закурит сигарету перед завтраком. На ней будет старый малиновый халат, наспех подвязанный поясом.

Но окна продолжают безжизненно темнеть, возвращая меня в реальность.

Я упрямо сдерживаю волну воспоминаний. Быстро опускаю взгляд и улыбаюсь, поглядывая на свою машину. Черная KIA Cerato GT стоит в углу парковки. Несмотря на 2019 год выпуска, эта крошка обожает визиты в автосервис. Она проделала долгий путь, чтобы оказаться на рынке подержанных машин Сиэтла. А если прикинуть, насколько дешево она мне досталась, стоит радоваться, что у нее вообще есть колеса. Но, к чести этой машины, в последнее время она совсем не капризничала.

Ровно до сегодняшнего дня.

Когда я складываю велосипед, убираю его в багажник и сажусь за руль, в голове не возникает даже подозрения, что Cerato не заведется. Но именно это и происходит.

Тихое холостое ворчание раздается под капотом в ответ на мои отчаянные попытки вернуть ключ зажигания. Сначала я стараюсь игнорировать такие капризы, но, когда двигатель не заводится и с десятой попытки, в отчаянии опускаю голову на руль. Закрываю глаза, ощутив неожиданную пустоту в мыслях. Возможно, я слишком устала, чтобы сетовать на неудачу.

Вздыхнув, достаю телефон и набираю сообщение Джексону:

У меня тут небольшая проблема...

Джексон тут же появляется в Сети. В ответ на его вопросительный знак я виновато прикусываю губу, но все же печатаю:

Машина не заводится. Нужен кто-то с тросом.

Уже выезжаю.

Кратко отвечает Джексон, отчего я не могу сдержать благодарную улыбку. Я быстро отправляю ему свою геометку и со вздохом откидываюсь на сиденье.

На своем Ford F-150 он добирается до моего старого дома всего за полчаса. Я взволнованно поглядываю на часы, и ко мне все быстрее приходит осознание, что мой ночной побег может всплыть на поверхность.

– Что там у тебя произошло? – Джексон спрыгивает со своего внедорожника.

Я открываю дверь и выхожу, слегка разминая затекшие ноги.

– Не знаю, в движке ли дело, или форсунки полетели, – со вздохом делюсь я. – Если они, то отремонтировать дорого...

– Открой-ка капот, я посмотрю.

Джексон снимает безрукавку и небрежно закидывает ее в свою машину. Я хаотично пытаюсь придумать что-то правдоподобное, чтобы поторопить друга.

– У меня мало времени, – тихо признаюсь я. – Чем быстрее я доберусь домой, тем больше шансов, что я смогу вернуться в мастерскую еще раз.

Парень смотрит мне в глаза. Он не задает вопросов, не требует объяснений. Джексон молча кивает, хлопает меня по плечу и направляется обратно к своему внедорожнику. Он переставляет машину задней частью к моей, а потом возвращается с буксировочным тросом и сам закрепляет его под передним бампером черной Cerato. Когда похожую операцию Джексон проводит со своим внедорожником сзади, он возвращается к моей машине и наклоняется к бамперу.

– Готова? – Парень поднимает голову, проверив крепление.

Я киваю и сажусь за руль. Со слабой надеждой поворачиваю ключ зажигания, но красotka все так же упрямится. Когда внедорожник Джексона начинает движение, трос натягивается, приводя мою машину в бесшумное движение.

Так начинается наша неторопливая и тихая поездка. Небо, скрытое у горизонта городскими высотками, светлеет все сильнее, наполняясь оранжевыми, желтыми и розоватыми оттенками. На западе небосклон еще сохраняет темноту, но пройдет совсем немного времени, прежде чем он озарится рассветом.

Внезапный телефонный звонок заставляет меня вздрогнуть. Я отвлекаюсь от дороги и с замиранием сердца хватаюсь за смартфон. Но это всего лишь Джексон. Похоже, ему скучно ехать в тишине. Я облегченно выдыхаю и принимаю входящий вызов.

– Давай поболтаем, иначе я точно усну, – слышится голос парня, пока я ставлю его на громкую связь и закрепляю телефон у руля.

– Давай.

– Мы все очень переживали за тебя.

Я нервно сглатываю и с искренним раскаянием отвечаю:

– Прости. Мне не хотелось вот так пропадать, но... я стала жертвой обстоятельств.

В разговоре снова повисает молчание. Я прикусываю губу, все еще перебирая в голове темы, на которые можно мягко и незаметно увести разговор, но, как на зло, в голове сплошное перекати-поле.

– Не хочешь рассказать, что все-таки случилось? – предпринимает Джексон осторожную попытку.

Я совершенно не готова к таким вопросам. С одной стороны, не хочу открывать ящик Пандоры, запертый под семью замками где-то глубоко в душе, но, с другой стороны, Джексон – тот самый человек, кому можно без страха открыться... и все же я сталкиваюсь с пониманием, что на текущий момент для меня это прыжок выше головы.

– Так сложилось, что я теперь живу с папой, – решаю поделиться хоть какими-то подробностями. – Это совсем непохоже на мою прошлую жизнь...

– Я не стану лезть, если ты не готова, – внезапно успокаивает Джексон, заметив, что свой рассказ я начала с конца. – Буду ждать, когда ты сама захочешь поговорить.

Насколько же он прекрасный человек. Я даже немного жалею, что не решилась на откровения. То ли из-за возраста, то ли из-за совокупности черт его характера, Джексон кажется разумнее и дальновиднее остальных членов нашей команды вместе взятых. Я улыбаюсь, совсем не зная, что ответить. На ум приходит только банальное «спасибо».

– Да не за что, – мягко посмеивается Джексон.

Неужели я сказала это вслух?

* * *

Ближе к шести часам утра мы пригоняем мою машину к мастерской. Я вверяю капризную леди в надежные руки Джексона и Лиамы – последний остался в здании после того, как все остальные разъехались. Похоже, у нашего сорвиголовы снова проблемы с отцом, а значит, ночевать в мастерской он будет еще несколько дней. Недовольный тем, что его разбудили, Лиам огрызается парой матерных слов и почти сразу же засыпает снова. Джексон предусмотрительно берет старенькое колючее одеяло и накрывает им парня.

На мое счастье, у Джексона с утра какие-то дела за городом, и поэтому я не отказываюсь от предложения подвезти меня до развилки. По пути домой я не встречаюсь с машиной отца: либо он уехал еще раньше, либо же еще дома. Напряжение не покидает меня вплоть до момента, когда впереди показываются главные ворота. Я сворачиваю в лес, слезаю с велосипеда и прохожу остаток пути к заднему двору пешком по дуге.

Серьезным испытанием становится процесс перекидывания моего скромного транспорта через каменный забор. Предварительно карабкаюсь сама, найдя удачно подвернувшийся валун. Внимательно оглядываю территорию особняка, убеждаюсь в отсутствии нежеланных зрителей и спрыгиваю обратно. А после... начинаю горбатиться. Зажмурившись от заметного шума, с которым велосипед приземляется на газон, я напряженно прислушиваюсь. По ту сторону не раздается больше ни звука. Порадовавшись щедрой удаче, я с трудом подтягиваю тело наверх.

Клянусь, я была готова к тому, что Айдена стоит около забора и в молчании наблюдает за моими потугами. Я почти в точности представила его пристальный взгляд и скрещенные на груди руки.

Но рядом со мной никого нет.

Я не слишком грациозно спрыгиваю на мягкую стриженую траву и с мучительным вздохом поднимаю велосипед. От усталости он кажется мне неподъемным. Испытываю огромное облегчение, когда наконец-то ставлю его на место.

Я без проблем забираюсь обратно в свою комнату через окно, и меня охватывает ликование. Если бы не запах пота, исходящий от меня после этого велосипедного марафона, я бы тут же завалилась спать. Но сначала душ. А вот где взять шампунь и бальзам... Те мелкие тюбики, привезенные мной из больницы, закончились еще вчера. Придется спуститься и найти комнату с хозяйственными припасами.

Воодушевленная скорым отдыхом, я распахиваю дверь, поворачиваю в сторону лестницы и... врезаюсь в Айдена. Ойкнув, я бурчу извинения и отступаю в сторону. Телохранитель придерживает меня под локоть и тут же делает шаг назад. Я исподлобья поглядываю на него и ловлю взгляд, прикованный к моим рукам, на которых остались следы велосипедной смазки и земли.

Ледяной пот выступает у меня на спине. Я даже не заметила, как испачкалась, когда перетаскивала через забор велосипед.

– Неудачные эксперименты с косметикой, – выпаливаю я наспех придуманный бред и лучезарно улыбаюсь. – Как раз хотела принять душ. Но мне нужны шампуни и гель. Все кончилось. Подскажешь, где взять?

Айдена поднимает взгляд на мое лицо. Боже, он наверняка легко читает на нем следы усталости и наигранной бодрости. Напряжение между нами проходит через каждую клеточку моего тела.

– Ты сегодня рано.

Это все, что он говорит.

– Да, – выдыхаю я наконец. – Мне... нужно в университет. Чем раньше, тем лучше.

Почти правда. Я сделала часть семестровых заданий и уже могу что-то сдать. Конечно, не нужно ради этого постоянно ездить туда-сюда, но ничего лучше придумать с ходу у меня не получилось. Что ж, покатаемся лишний раз.

Айден смотрит мне в глаза, не моргая. В какой-то момент я почти убеждена, что он раскусил меня и потребует объяснений. Спустя несколько мучительно долгих мгновений он просто кивает.

– Хорошо. Подготовлю машину.

Глава 6. Долг

Я едва ли не засыпаю в душе. Стоя под горячими струями, могу уткнуться лицом в стену, и ее гладкая поверхность вполне сойдет уставшей голове за подушку.

По дороге в университет я просто вырубаясь. Как бы ни старалась запугивать себя присутствием Айдена, который в любой момент может что-то заподозрить, организм все равно сдаётся. Глаза просто закрываются. Пообещав себе отдохнуть всего пару минут, я кладу затылок на подголовник сиденья. Мысленно повторяю себе, что еще немного – и открою глаза, взбодрюсь, но звуки окружения стихают, а в какой-то момент исчезают вовсе.

– Шелл.

Ровный, лишенный эмоций голос телохранителя врывается в мой сон. Глупо и громко всхрапнув, я распахиваю глаза. Тут же сажусь ровно и в легкой панике всматриваюсь в окно, за которым вижу один из корпусов университета. Кидаю быстрый взгляд на Айдена, но тот делает вид, что ничего не слышал. К лицу приливает краска, отчего я спешно выхожу из машины.

Этот ужасно постыдный момент приводит меня в чувство, и в здание университета я почти влетаю. Ловко лавирую между компаниями студентов и поднимаюсь на третий этаж. Нужный мне кабинет находится где-то в самом конце крыла.

Я не оборачиваюсь, чтобы убедиться, что телохранитель идет за мной. Тешу себя надеждой, что он решил подождать меня в холле, но удивленные взгляды немногочисленных студентов, изредка смотрящих куда-то за мою спину, подсказывают обратное. Черт, он же сегодня в этом своем идиотском строгом костюме. Настоящий секьюрити, будь он проклят.

Я едва не спотыкаюсь о высокий порог, заходя в пустующую аудиторию миссис Нитсен. Совсем не грациозно взмахиваю руками в воздухе и шумно переступаю, сбившись с шага. Резко выпрямляюсь и, пока Айден не успел опозорить меня еще больше своей учтивой помощью, почти бегом устремляюсь к столу преподавательницы.

Миссис Нитсен удивленным взглядом провожает папку, которую я с шумом опускаю ей на стол. С широкой улыбкой чеканю:

– Добрейший денечек. Вот задания за семестр.

– Уже? – Миссис Нитсен поправляет очки в толстой оправе и неторопливо открывает папку. – Похвально, похвально... Но к чему такая спешка, миледи?

От ее излюбленного обращения меня передергивает, но я удерживаю доброжелательную улыбку и отвечаю:

– Делать было нечего, вот и решила заняться вашим предметом.

И я почти не вру. Правда, дело было не в тяге к физике, а в простоте нахождения решений в Интернете. Миссис Нитсен будто бы искренне верит, что ее верный друг Google, откуда она берет все задания, не работает точно так же со стороны студентов, ищущих ответы.

– Хорошо, я пришлю результаты по электронной почте, миледи, – медленная речь пожилой преподавательницы заставляет меня вслушиваться, чтобы уловить смысл.

– Хорошо! – бодро отзываюсь я и отступаю от стола. – Тогда до встречи, миссис Нитсен.

– погоди, погоди, – скрипит преподавательница, едва ли я разворачиваюсь, чтобы уйти. – Раз ты так любишь физику... есть у меня еще одна папочка, для углубленного курса.

Я сдерживаю мучительный вой и разворачиваюсь обратно к преподавательнице с самой жизнерадостной улыбкой, на которую только способна. Наверняка она напоминает оскал.

Как только я покидаю аудиторию с новой папкой в руках, с губ срывается тяжелый вздох. Айден стоит возле двери, и его мрачный силуэт действует мне на нервы. Если бы я дома не столкнулась с ним в коридоре, не пришлось бы прикрываться поездкой в университет. Я подкидываю ему папку с новыми заданиями, которую он едва успевает схватить.

– Все из-за тебя, – бурчу я.

– М-м? – Телохранитель вопросительно изгибает бровь, но даже это его действие контролируется и сдержанно.

Несколько долгих мгновений я смотрю в его серые непроницаемые глаза.

– Знаешь, я бы многое отдала, лишь бы тебя не было, – тихо произношу я и направляюсь вперед по коридору.

В душе селится надежда, что Айдэн этих слов не слышал. Все же нельзя забывать, что в ночной вылазке и ее последствиях виновата только я. Мне еще повезло, ведь дело обошлось малой кровью. Лишняя пачка нудных задач, которые даже списывать невыносимо муторно – не самая высокая цена за мою ночную затею.

В холле этажа я сверяюсь с расписанием текущих лекций и временем. Нахожу аудиторию литературоведения и вздрагиваю, когда звенит звонок, а потоки студентов устремляются в коридор. К счастью, я оказываюсь права: из кабинета выходит Питер. Расплывшись в искренней улыбке, я вылавливаю друга из потока и тащу его в сторону, где нас не собьют с ног. Айдэн тенью следует за нами, пристально наблюдая за людьми, что оказываются недалеко от меня. Его ледяной внимательный взгляд будто бы сканирует одного человека за другим, и я задумываюсь: неужели он так делает постоянно?

Покачав головой, я останавливаю Питера около шкафчиков и крепко обнимаю его.

– Шелл! А ты зачастила, – нервно посмеивается он и похлопывает меня по спине. – Твой верный охранник тоже тут? Ну и рожа у него серьезная, хе-хе...

Да Питер знатно волнуется.

Почуввав неладное, я отступаю назад и сразу же понимаю, в чем дело. Под правым глазом юноши красуется свежий синяк, не слишком аккуратно замаскированный каким-то дешевым тональным кремом.

– Что за фигня? – в лоб спрашиваю я и, помедлив, добавляю так тихо, чтобы слышал только Пит: – Еще ночью все нормально было.

Питер переминается с ноги на ногу, взгляд его бегаёт по коридору.

– Да ерунда...

– Пит.

– Да все уже нормально, – заверяет он. – Ты что, собираешься каждый раз, как приезжаешь сюда, в моих проблемах копать?

– Мы одна команда, – вполне серьезно отвечаю я. – Твои проблемы – наши проблемы.

– Давай забудем об этом. – Юноша виновато улыбается. – Это лучшее, чем ты можешь мне помочь.

Как же сильно это напоминает мне меня саму. Вправе ли я злиться на друга, если точно так же скрываю события последних месяцев даже от самых близких? С тяжелым вздохом я отступаю, оставив попытки докопаться до правды, и даже не догадываюсь, какую критическую ошибку совершаю.

Полчаса спустя, проведя с Питером весь перерыв за бесцельными разговорами, я собираюсь возвращаться домой. Несмотря на довольно специфичный облик Айдена, он будто бы решает смилость надо мной и сегодня не доставляет никаких проблем или неудобств. Держится на почтительном расстоянии, ни разу не пытается влезть в разговор или поторопить меня. Ну просто душка, если бы не этот его леденящий душу взгляд, с которым он продолжает сканировать людей вокруг меня.

С Питером я прощаюсь на доброй и даже веселой ноте. Убедившись, что друг успешно добирается до следующей аудитории, я киваю Айдену и направляюсь к лестнице главного корпуса.

Однако на парковке мне на глаза попадает знакомый спортивный автомобиль. Его владелец, одетый в любимую кожаную куртку, стоит в компании верной свиты, в которой прибавилось обожателей – три красавицы со второго курса так и липнут к богатому выродку.

Нейтан Пирс.

Мои ладони сами собой сжимаются в кулаки. Я не удивлюсь, если раскрашенная физиономия Питера окажется его работой. Именно это я решаю выяснить. А в случае подтверждения догадок – выбить из ублюдка последнее дерьмо.

Однако есть одна проблема. И прямо сейчас она неотступно следует за мной, коршуном наблюдая за моим окружением. Черта с два он позволит мне выяснять с кем-то отношения.

Призвав на помощь все свои актерские способности, я делаю вид, что меня не держат ноги. К счастью, театрально падать на асфальт не приходится – Айден тут же оказывается рядом и поддерживает меня со спины. На мгновение его уверенное прикосновение вызывает во мне неожиданный ступор.

– В чем дело? – напряженно спрашивает он, рассматривая мое лицо.

Актерское мастерство. Не зря же я ходила в театральный кружок еще в пять лет.

– Сегодня очень душно, – бормочу я. – Сходишь за водой? Кафетерий на первом этаже. – Вспомнив, что в машине Айдена и так хранится не меньше пяти бутылок с водой, я тут же добавляю: – Только возьми холодную. Из холодильника.

Телохранитель с недоверием смотрит мне в глаза. Мне тут же кажется, будто бы эта глупая затея не сработает: он же видит меня насквозь. Однако я не сдаюсь. Чтобы выглядеть более убедительно, хмурюсь и упрямо бросаю:

– Ладно, схожу сама.

– Я принесу, – перебивает меня Айден. – Только пообещай никуда не уходить.

– Угу, – быстро соглашаюсь я, стараясь скрыть ликование.

Айден доводит меня до своей машины и отпускает. Когда я уже надеюсь поскорее остаться в одиночестве и приступить ко второй части плана, телохранитель вдруг расстегивает пиджак и снимает его. Айден остается в белоснежной рубашке, ворот которой украшает строгий черный галстук. Я украдкой поглядываю на пояс мужчины, но, к счастью, кобуры с пистолетом там не нахожу. Под моим удивленным и настороженным взглядом телохранитель расстилает пиджак на нагретом солнцем капоте и кивает, предлагая сесть.

– Иначе слишком горячо.

– А машину в таком случае открыть не хочешь? – не удерживаюсь я от язвительного комментария. – Там есть кондиционер.

– Для него нужен заведенный двигатель. Я не хочу, чтобы у тебя была возможность угнать машину.

Я возмущенно фыркаю. О нет, сегодня у меня совсем другой план. Однако идея заманчивая, стоит взять на заметку.

Айден внимательно смотрит на меня, не двигаясь с места, пока я со вздохом не присаживаюсь на покрытый пиджаком капот.

– Вернусь через две минуты.

Какая пунктуальность. Я провожаю телохранителя напряженным взглядом и нервно прикусываю губу. Черт, мне может банально не хватить времени.

Проследив, чтобы Айден скрылся в здании университета, я поднимаюсь. Пиджак норовит соскользнуть с капота и оказаться на пыльном асфальте, но я вовремя подхватываю его. Не найдя ему места, накидываю пиджак на плечи. Запах парфюма окутывает меня ненавязчивым шлейфом, и я против воли вдыхаю побольше воздуха.

А после быстрым и уверенным шагом направляюсь в сторону Нейтана Пирса.

– Эй, красавчик, – я с такой силой хлопаю Нейта по плечу, что тот вздрагивает и поворачивается ко мне.

Как же сильно хочется с размаху вклеить ему смачную пощечину. Но я натягиваю улыбку-оскал и киваю ему за плечо, указывая на притихнувших девушек.

– Каждый день новый эскорт? Поразительное расточительство.

Красавицы оскорбительно изгибают губы и смеряют меня возмущенными взглядами. Одну из них я узнаю – Кортни, девушка со второго курса, прожигает меня своими ярко подведенными глазами. Она знатная сплетница и постоянная участница всех самых скандальных слухов университета. Парни из свиты Нейтана усмеваются и переглядываются. Сам он искривляет рот в улыбке и хранит молчание, будто бы пропуская ход в этой игре.

– Ну хоть твои постоянные подсосники в неизменном составе, – подмечаю я, приковав к себе еще три пары злобных взглядов.

От резкого смеха Нейта я непроизвольно дергаюсь.

– Bravo, малышка, – протягивает он и широко улыбается. – С каждым разом язычок все острее и острее. Я восхищен, мне даже нечем ответить. – Нейтан поворачивает голову к девушкам и мягко произносит: – Увидимся после пар, девочки. Спасибо за компанию.

Разморенные его улыбкой и бархатистым голосом, девушки без вопросов кивают и прощаются с остальными парнями. Кортни демонстративно целует Нейта в щеку, отчего даже он сам удивленно вскидывает брови. Я закатываю глаза, ожидая, когда эта ревнивица успокоится. Наконец остаюсь наедине с Нейтом и его прихлебателями. Парень переводит на меня изучающий взгляд, складывает руки перед собой и будто бы ждет объяснений.

– Лицо Питера – твоих рук дело? – резко спрашиваю я.

В глазах Нейта отражается секундное замешательство.

– Не думаю, что его морду может что-то испортить, – бросает он как-то неоднозначно.

– Да или нет?

Безмятежным и уверенным остается только он сам, что выводит меня из себя все сильнее. Нейт смотрит на меня с издевательским удовольствием. Он опирается одной рукой о крышу своего спорткара и подается немного вперед. Нейтан оказывается так близко ко мне, что я замечаю его едва заметную щетину.

Слишком близко.

– Что, нерда зажали в углу, а ты, великий мститель, ищешь виноватых? – почти ласково спрашивает Нейтан.

– Если это твоих рук дело... – шиплю я сквозь плотно стиснутые зубы.

Во взгляде Нейта плещется ленивая, притворно добрая заинтересованность. Он подается еще ближе, опираясь рукой о машину совсем рядом с моим плечом.

– ...то что? – подыгрывает он и широко улыбается.

Я чувствую запах сигарет, исходящий из его рта. Тошнота поднимается где-то в груди, а в моей цепочке бесконечной силы и храбрости выходит из-под контроля самый первый ее элемент.

Страх.

Почему перед глазами начинает так предательски темнеть? Я глупо моргаю, запоздало ощущая глухую боль в затылке. Холодок вместе с онемением пробегает по спине, когда понимаю, что это такое. Каждый приступ начинается одинаково.

Нет, только не сейчас. Когда угодно, но только не сейчас...

– Ты что, боишься, Мэйджерсон? – приторно ласково спрашивает Нейт.

И в этот момент у меня просто срывает планку.

Нейтан подлез слишком близко. И дело не только в том, насколько мало расстояние между нашими лицами. О, это меньшее из всех зол, потому что этот самодовольный выродок разрушил мою защиту, попав пальцем в небо.

Глотаю ртом воздух, и самое опасное звено моей цепочки взрывается в груди, превращаясь в ничем не контролируемую ярость. Я настолько молниеносно вскидываю руку для удара, что сама испуганно вскрикиваю, когда со всей силы даю Нейтану звонкую пощечину. От удара его голова откидывается в сторону, а сам он, пошатнувшись, едва ли удерживает равновесие.

Когда парень в растерянности поворачивает голову обратно, я смотрю на него с точно таким же шокированным выражением лица.

Потом диковато улыбаюсь, адреналин помогает мне выдержать еще одну волну темноты. Впервые на моей памяти я так успешно сопротивляюсь подступающему приступу. Кто-то из прихвостней Нейтана возмущенно бормочет пару ласковых и направляется в мою сторону.

Возможно, дело закончилось бы настоящей дракой. Но вдруг на капот спорткара Нейта опускается бутылка с холодной водой. Сильная рука крепко обхватывает мое плечо и заставляет рывком отойти назад. Нейт в еще большем ступоре переводит взгляд за мою спину, и брови его взлетают вверх.

Айден молча волочит меня прочь от компании Нейта, и я, как бы ни упиралась, просто тащусь за ним, как собака на поводке. Взвизгнув, я предпринимаю попытку вырваться, но он даже не вздрагивает, продолжая целенаправленное движение к своей машине. Свита Нейтана насмешливо улюлюкает нам вслед, и эту унижительную картину наблюдают все студенты, случайно оказавшиеся на парковке.

– Что ты себе позволяешь?! – рявкаю я.

– Я выполняю свои обязанности.

Прежде чем я успеваю выпалить еще одну гневную тираду, боль взрывается где-то в затылке. Новая волна темноты заставляет меня споткнуться, и я даже не помню момента, когда оказываюсь перекинута через плечо Айдена. Десятки пар глаз прикованы к происходящему.

Телохранитель легко спускает меня со своего плеча на руки, но только для того, чтобы усадить в салон машины. Он умудряется ловко пристегнуть меня ремнем безопасности и, пока я пытаюсь его отстегнуть, уже закрывает дверь.

Айден заводит двигатель, мы выезжаем с парковочного места. Я скидываю с себя треклятый пиджак, кидаю взгляд в тонированное окно машины и замечаю, как студенты провожают серую BMW удивленными взглядами. Жгучий стыд захлестывает меня, я краснею до кончиков ушей. Сколько людей видели эту ужасную картину?.. Наверняка кто-то успел снять все на телефон...

Последняя волна темноты погружает меня в спасительную темноту. Не знаю, сколько длился обморок – когда я открываю глаза, городские улицы за окнами машины уже ничем не напоминают район университета.

– Ненавижу, – шепотом выдыхаю я, а потом вяло ударяю ногой водительское сиденье.

Но спокойствие и отрешенность Айдена не пробивается, видимо, ничем. Он кидает взгляд на зеркало заднего вида и произносит:

– Я обязан предотвращать все опасные ситуации. В том числе связанные с твоим девиантным поведением. Я и так позволял тебе больше, чем должен был.

– Девиантное поведение?! Эти уроды издеваются над моим лучшим другом! И не только над ним...

Его голос ровен, но впервые звучит напряженно:

– Мне все равно, кто прав, а кто виноват. Я делаю то, что должен.

Сажусь ровно, срываю защелку ремня безопасности – как единственный жалкий протест.

– Ты телохранителем нанимался, а не воспитателем! – выплевываю я с презрением.

Айден резко тормозит на светофоре. От внезапной остановки я съезжаю немного вперед, и в момент, когда мужчина поворачивает ко мне голову, оказываюсь ближе, чем должна быть. В его непроницаемых глазах застывает серьезное и мрачное выражение.

– Вот именно, – медленно произносит Айден. – Поэтому не вынуждай меня становиться нянькой злобного ребенка, который не контролирует свой гонор из-за собственного страха. И, будь добра, пристегни ремень безопасности.

В груди селится ледяное, колючее ощущение. Оно разрастается и комом застревает в горле. Не знаю, подозревает ли Айден о том, насколько сильно уязвили меня его слова. Он

поворачивает голову обратно, смотрит на дорогу и даже после зеленого сигнала светофора не двигается с места. Сзади начинают настойчиво сигналить.

Я с такой силой загоняю язычок ремня безопасности в защелку, что оно надрывно хрустит. Только после этого Айден плавно нажимает на газ.

– Ты пожалеешь, что взялся за эту работу, – едва слышно клянусь я.

Глава 7. Сопротивление

Я с грохотом захлопываю дверь в свою комнату. Молча стискиваю зубы и зажимаю глаза, пока все бушующие эмоции не сменяются ожидаемым и столь знакомым опустошением.

Посидев немного в тишине, я перебираюсь с кровати за стол, открываю ноутбук и бездумно просматриваю ленту новостей. С надеждой открываю переписку с лучшей подругой. На мое счастье, Софи оказывается в Сети. На видеозвонок с ней я трачу следующие несколько часов. За это время успеваю не только выложить подруге краткую историю последних суток, но и раз десять сменить положение: стол, диван, кровать, пол и нечто среднее между последними двумя вариантами. Когда ноутбук начинает разряжаться, я со вздохом перемещаюсь обратно за стол. Прижимаю колени к груди и почти сворачиваюсь калачиком на компьютерном кресле.

В нашем разговоре повисает долгая пауза. Софи растягивается на кровати поверх нежно-розового покрывала, а ее каштановые волосы кудрявым ореолом подчеркивают идеальный овал лица. В задумчивости она тянет пальцами один из локонов, и я подозреваю, что именно из-за этого передние пряди возле ее лица всегда более прямые, чем остальная непослушная грива.

– Иногда мне кажется, что я попала в день сурка, – с тихим вздохом прерываю я молчание. – Утро, завтрак с папой, прогулка по территории и снова комната. Да, иногда это разбавляется поездками в универ... но и там как будто происходит одно и то же. Этот придурок Нейт... – Я устало опускаю голову на сложенные на столе руки. – А еще этот... в костюме. Его постоянное присутствие, непроницаемое лицо, постоянные вмешательства, забота...

Внезапный смех Софи заставляет меня поднять голову.

– Знаешь, этот образ звучит как «идеальный парень». Всегда рядом, молчит, сцен не закатывает, стоит себе тихонько, да еще и любую прихоть исполняет. А еще я никогда не видела, чтобы человек, который тебя раздражает, выживал так долго. Мое ему уважение. Упрямец.

– Уважение? – возмущенно протестую я. – Ему? Он оттащил меня от ребят, как бешеную псину на поводке! На глазах у всех.

– А что ему оставалось делать? Лезть в драку первым, раскидать там всех, чтобы ты потом обвинила его за то, что он сделал все за тебя? Тебе не угодить, принцесса.

– Было бы неплохо, если бы он просто не лез, – бубню я тихо.

– Об этом мы уже говорили. Ты же сама прекрасно понимаешь суть его работы. Кто захочет терять место под солнцем, лишь бы угодить недотроге вроде тебя? Мисс самостоятельность, вам придется потерпеть, ибо ваш папа платит нехилые деньги, раз этот бедолага до сих пор держится.

– Угу, – сдаюсь я с тихим вздохом.

– Эй, – Софи мягко стучит пальцем по микрофону, и звук ее ноготка заставляет меня вяло улыбнуться. – А ну прекращай уже накручивать себя. Клянусь, все не так плохо, как тебе кажется. Так что давай приводить твою голову в порядок, может ты и мир увидишь без черно-белого фильтра.

Я кривлюсь от мысли, что все снова сводится к «проблемам головы». Как же удручает, что, даже покинув психиатрическую клинику, я все равно сталкиваюсь с этой паршивой темой в повседневности. Софи явно не имела в виду ничего плохого, но мое сознание охотно подбрасывает мне воспоминания о пустынных коридорах и запахе лекарств.

* * *

«Ты пожалеешь, что взялся за эту работу».

О своей клятве я помню. Тяжелым грузом она опускается мне на плечи, а потом, так и не найдя иного выхода, проваливается куда-то в желудок. Я не позволяю себе забыть о своем обещании, но всякий раз, уже приготовившись к открытым действиям, сталкиваюсь с до боли банальной проблемой: а что я, собственно, могу сделать? Поцарапать его машину? Жалко, да и эта красotka не виновата в том, как ведет себя ее хозяин. Обвинить в плохом исполнении своих обязанностей? Нужны доказательства, а такой упрямец, как Айден, не даст повода для их появления.

Мое отношение к нему не изменилось. Однако той решимости, которая кипела во мне в момент стресса, теперь оказывается недостаточно. Сложно намеренно враждовать с безэмоциональным человеком. Это все равно что пытаться забить гол с обратной стороны ворот.

Софи уверена, что я стала заложником наконец проснувшейся совести. Может, так и есть. Все же я не вселенское зло, и, наверное, это нормально, что жму на тормоз в своих пылких намерениях. А может, просто признаю, что тот конфликт с Пирсом был глупым и закончился бы очень плохо, если не вмешательство Айдена.

Вскоре мне становится совсем не до этих размышлений. Потому как одним из вечеров, когда мне удастся поужинать в компании отца, он вдруг заявляет:

– Завтра к нам приедет Шарлотта. Думаю, пора познакомить вас.

Кусок стейка комом застрекает в горле. Я насильно проглатываю его и медленно тянусь к бокалу с водой. Отпив несколько глотков, я тихо отвечаю:

– Чудесно. Постараюсь показать себя с лучшей стороны.

Отец благодарно улыбается и возвращается к смакованию своей порции.

– У нее тоже есть дочка, – рассказывает он как бы между делом. – Я подумал, будет неплохо, если она тоже приедет. Она чуть младше тебя, но вы же найдете общий язык, верно?

Мое воображение тут же рисует жуткие картины девушки-бунтарки, одетой в кожаное, с гитарой наперевес, которая сотрет меня с лица земли, если я покажусь ей заурядным и скучным человеком. А именно таким я и являюсь.

– Конечно, – я натягиваю улыбку.

– Тогда будь готова к двум.

– Получается, у тебя будет выходной?

– Да. – Папа улыбается и облокачивается на спинку стула.

Не могу отделаться от мысли, что за все это время он ни разу не взял выходной для знакомства со мной. Я быстро отметаю глупую детскую обиду и напоминаю себе о том, что весь окружающий нас недостаток не мог появиться просто так. Хорошая работа всегда подразумевает минимум личного времени. Не мне судить, стоит оно того или нет.

В глубокой задумчивости провожу весь остаток ужина. Когда папа встает из-за стола и желает мне доброй ночи, я вяло киваю. Домучиваю уже давно остывший стейк, допиваю горьковатый черный чай и виновато поглядываю на так и не тронутый десерт.

Ночью я почти не сплю. Даже давно знакомым кошмарам недостаточно того времени, на которое я успеваю провалиться в дрему – едва туманные картинки начинают появляться в моем подсознании, вздрагиваю от вибрации телефона. Так быстро хватаю его, будто бы будильник сиреной орет на весь дом, хотя его тихая, мягкая мелодия едва ли способна разбудить средне-статистического человека.

После завтрака я поднимаюсь обратно в свою комнату, встаю перед раскрытым шкафом и с тяжелым вздохом принимаюсь за создание образа нормального человека. На это у меня уходит все оставшееся время. Из комнаты я выхожу уставшей и выбитой из колеи. В черной блузке наверняка выгляжу так, будто бы собираюсь ехать на похороны. Хорошо, если не в главной роли.

Столкнувшись с напряженным взглядом Айдена, я, кажется, впервые различаю в нем нотку тревоги. Значит, выгляжу *очень* паршиво. Остается надеяться, что улыбка спасет положение.

– Отец звал тебя к столу, – оповещает телохранитель и освобождает проход по коридору. – Они ждут.

Сглотнув, направляюсь к лестнице. Если скажу, что у меня не дрожат колени – я совру.

Еще из холла слышу ее тихий смех. Слова отца неразборчивы, но голос его звучит весело и мягко. Я застываю на ступеньках в нерешительности и вздрагиваю, когда ладонь Айдена касается моего предплечья.

– Можем войти вместе, – тихо и бесстрастно предлагает он.

Я впервые испытываю к телохранителю что-то похожее на благодарность. Кидаю быстрый взгляд на его лицо и сталкиваюсь с непроницаемым выражением темных глаз. Пожалуй, этот человек начинает ассоциироваться с постоянством и ощущением, будто бы все под контролем. Пусть и не под моим.

В обеденный зал я захожу вместе с Айденом. Телохранитель отступает от меня и занимает место возле дверей, как и всегда. Когда я решаюсь оторвать взгляд от пола, глаза сами собой приковываются к Шарлотте.

Я сразу же замечаю ее чистую, естественную красоту. Светлые волосы мягкими волнами спадают ей на плечи, а аккуратная челка оттеняет мятно-голубые глаза. Шарлотта оказывается таким неожиданным воплощением мягкости и открытости, что я глупо застываю, забыв заранее продуманное приветствие. Готовившись к войне, я оказалась не готова к мирным переговорам.

Шарлотта поднимается из-за стола и с улыбкой кивает мне. Папа наблюдает за нами с нескрываемым удовольствием и радостью.

– Здравствуй. – Голос Шарлотты оказывается неожиданно нежным, что вызывает в моей голове внезапную мысль: эта женщина редко повышает его. – Я Шарлотта Кэррингтон. Очень приятно познакомиться с тобой, Шелл. Это твое полное имя?

– Да, – отвечаю я после продолжительной паузы и тут же, спохватившись, добавляю: – Приятно познакомиться.

Шарлотта с улыбкой указывает на место напротив себя и отца, сервированное для меня. Забыв пожать ей руку или хоть как-то отреагировать на то, что ради меня она вставала, я неловко опускаюсь на стул и нервно тереблю край тканевой салфетки.

– Папа говорил, у вас тоже есть дочь.

– Да, она должна совсем скоро приехать, – мягко отзывается Шарлотта, занимая свое место. – У Сэм были курсы в колледже, поэтому твой папа отправил за ней водителя.

Значит, сама Шарлотта приехала еще раньше. Неудивительно, что я ничего не слышала – в этом доме запросто можно потеряться.

– Можешь рассказать что-нибудь о себе, Шелл, – вступает в разговор папа, перемешивая вилкой сытный салат.

Потрясающе. Я? Что я, черт возьми, могу рассказать? Привет, я недавно лежала в психиатрии с ПТСР, а как ты проводишь выходные?

– Э-э, – выдавливаю из себя хоть какой-то звук в этой неловкой тишине. – Да мне в принципе особо и нечего рассказывать...

– Чем ты увлекаешься в свободное время? – выручает меня Шарлотта более конкретным вопросом.

Я судорожно перебираю в голове свои хобби и озвучиваю наиболее безобидные:

– Рисованием, чтением... машины люблю.

– О, ты водишь? – искренне интересуется Шарлотта, приступив к еде.

– Да. У меня есть машина. – Я слегка расслабляюсь, ступив на знакомую мне территорию. – С ней и возжусь большую часть времени.

Папа удивленно поднимает на меня взгляд. Я слишком поздно осознаю, что о таких нюансах он не знал.

– Машина сейчас у моих друзей, – спешно добавляю уже скорее для него. – В мастерской. Они о ней заботятся.

Шарлотта внимательно наблюдает за моим отцом. Догадалась ли она, что он сам понятия не имел о таких, казалось бы, очевидных вещах? По моей спине пробегает холодок, ведь я чуть не проговорила, что перевезла машину к друзьям совсем недавно.

От лица отливает кровь, когда я вспоминаю, что Айдена находится позади меня, у дверей, и наверняка отчетливо слышал каждое слово о вещах, которые по идее должны были быть ему известны.

К счастью, Шарлотта берет инициативу на себя и непринужденно рассказывает о себе и Сэм. От волнения и концентрации на еде я мало что запоминаю, сформировав в голове лишь примерный портрет Шарлотты. Она много лет работает в той же компании, что и мой отец, а знакомство их именно там и произошло. Напрямую Шарлотта не упоминает, как давно они с папой общаются, но из ее рассказов я делаю вывод о нескольких годах.

Не знаю, сколько времени проходит за этими тихими разговорами. Шарлотта продолжает втягивать меня в беседу, при этом умудряясь не давить.

Саманта Кэррингтон врывается в наш дом, как самый настоящий ураган. В главном холле слышится грохот, за которым следуют спешные извинения. Звонкий девичий голос оповещает:

– Мам! Артур! Я приехала!

– Заходи, солнце, – Шарлотта слегка повышает голос, чтобы дочь услышала ее.

Я в напряжении застываю, когда ураган по имени Саманта влетает наконец в обеденный зал. Роскошные темные волосы, будто бы только выпущенные из рук стилиста, вихрем распадаются на плечах девушки. Губы, подведенные бордовой матовой помадой, расплываются в широкой улыбке. Такие же светлые глаза, как и у Шарлотты, все те же изгибы лица и фигуры. От нее буквально лучится жизненная энергия – она явно из того типа людей, которых можно назвать ходячими батарейками.

Мой отец приветствует Саманту первым. Она несколько раз кивает, а потом заключает поднявшуюся из-за стола Шарлотту в крепкие объятия. Втроем они кажутся настоящей семьей. Простой и такой привычной, насколько это возможно в богатом окружении. Теплой и единой, несмотря на разную кровь. Пока я наблюдаю за ними, в груди колет что-то, похожее на тоску. В это мгновение слегка оборачиваюсь и бросаю беглый взгляд на Айдена. Я не удивляюсь, когда понимаю, что все это время он смотрел в мою сторону.

Наконец взгляд Саманты обращается ко мне. Я моментально деревенею, боясь лишней раз пошевелиться, и осторожно улыбаюсь.

– Привет! Я Сэм, но ты, наверное, и так знаешь. – Девушка занимает место рядом со мной и приступает к еде с явным аппетитом.

– Привет, – тихо отвечаю я.

– Как жизнь?

– Нормально...

Внезапно Сэм смеряет меня заговорщицким, настороженным взглядом. Я перестаю улыбаться и растерянно смотрю на нее, пока девушка смотрит на моего отца и Шарлотту. Будто бы сделав какой-то вывод, она вдруг поднимает две свои тарелки и кивает мне:

– Пойдем-ка в твою комнату. Давай-давай, бери с собой.

Я так и застываю с приоткрытым ртом и недоверчиво наблюдаю за тем, как Сэм встает из-за стола, целует Шарлотту в щеку и заявляет:

– Мы потусуемся вдвоем, ладно? А вы тут поболтайте, мы еще вернемся попозже. Горячее же скоро?

– Да, минут через двадцать, – отвечает отец.

Сэм уже ждет меня в дверях, пока я поспешно встаю и поднимаю тарелку с салатом. Когда мы выходим в холл, Саманта тихо шепчет:

– Ты при них прямо как зажатый кролик. Пойдем-ка отсюда.

Прежде, чем я успеваю ответить, Сэм замечает следующего за нами Айдена. Хмыкнув, она легонько подталкивает меня локтем и подмигивает:

– А это тот самый твой телохранитель?

Я теряюсь с ответом и выдавливаю что-то совсем не к месту:

– Ты хорошо общаешься с Артуром, раз все знаешь.

Несмотря на мои опасения, Сэм мягко смеется и кивает:

– Да, мы давно знакомы. Он классный. – Сэм замечает мою задумчивость и, пока мы поднимаемся по лестнице, вдруг протягивает: – О, только не говори, что ты обижаешься, что тебя так поздно с нами познакомили. У твоего папы особо вариантов не было, ты знаешь.

– Да. – Вздохнув, я открываю дверь в свою комнату и пропускаю Сэм. – Просто... вы все друг друга знаете, хорошо общаетесь. А я двух слов связать не могу, на дыхании спотыкаюсь. Чувствую себя лишней.

Сэм резко разворачивается ко мне, отчего я едва не сталкиваюсь с ней и с трудом удерживаю тарелку. В светлых глазах девушки полыхает праведный гнев.

– Еще чего! Чтобы я больше такого от тебя не слышала, Шелл, – отчеканивает она и почти сразу смягчает тон, а после проходит к дивану.

Пока я в растерянности застываю около двери, Сэм опускает наши запасы на журнальный столик и надкусывает тарталетку с икрой.

– Между прочим, твой папа постоянно говорит о тебе, – она пытается говорить с набитым ртом. – Все уши нам с мамой прожужжал, даже когда ты еще жила с матерью.

Почему-то я улыбаюсь. В груди трепетно бьется согревающая надежда, и, когда сажусь напротив Сэм, все же решаюсь спросить:

– Что он рассказывал обо мне?

– Да всякое. Он сам мало что о тебе знал, поэтому для нас с мамой ты была как какой-то мифический зверь. – Сэм смеется, и я невольно улыбаюсь в ответ. – Постоянно приплетал тебя: «Шелл бы это понравилось», «жаль, что Шелл с нами нет», «видела бы это Шелл».

Я в удивлении застываю.

– Но если он почти не знает меня, – осторожно замечаю я. – Как он может догадываться, что мне нравится, а что нет?

– Он помнит тебя совсем ребенком. Что он знал о тебе на тот момент, то и рассказывал. К слову, к этим воспоминаниям он относился очень, очень ревностно. Я иногда начинала с ним спорить. Однажды доказывала, что девочкам не нравятся выставки «Трансформеров». Но он был непреклонен, постоянно повторял, что в твоём детстве вы с ним смотрели первые два фильма с десятков раз.

Опускаю взгляд, стараясь унять колотящееся сердце. Мои скудные представления об отце в момент пополнились такими неожиданными и теплыми деталями. Что с ними делать совершенно не понимаю. Я как художник, застывший возле черно-серого полотна с яркими, живыми красками.

– Ты, может, нас совсем не знаешь, – с улыбкой говорит Сэм. – Но вот мы будто бы все время жили с тобой вчетвером.

Глупая пелена возникает перед глазами. Я пытаюсь наколоть вилкой кусочек нарезанного кубиками сыра, чтобы сконцентрироваться на чем-то кроме сдерживания слез.

– Эй-эй, ну ты чего? – От мягкости ее голоса я не выдерживаю, откладываю тарелку и закрываю лицо руками.

Будто вода через прорванную плотину, накопленные эмоции вырываются из меня слезами. Я пытаюсь сдерживать рыдания, чтобы не напугать Сэм еще сильнее, однако она сама подсаживается ближе и заставляет меня выпить холодной колы.

– Прости, – сконфуженно произношу сквозь слезы. – Это... само собой, я не могу...

– Брось, – отмахивается Сэм и настойчиво пытается запихнуть мне в рот маленькую тарталетку. – А ну ешь.

Я начинаю смеяться от комичности всей этой ситуации. Сидя на диване в слезах и с покрасневшими глазами, я пытаюсь проглотить тарталетку с икрой и давлюсь рыданиями. Смешно, но так похоже на меня.

– Что с тобой такое вообще? – осторожно спрашивает Сэм, наблюдая за мной несколько минут. – Я имею в виду, в целом. Ты выглядишь очень забитой.

Я могла бы рассказать ей о том, что произошло. Рассказать, почему попала в клинику, почему теперь живу с отцом и почему потеряла все навыки общения с людьми. Но первая встреча – не лучший момент, чтобы выливать на человека такие мрачные подробности. А может, я просто снова бегу от прошлого, рассказать о котором едва ли не страшнее, чем снова пережить его.

– Прости, – я снова приношу извинения будто бы за все сразу и виновато улыбаюсь. – Наверное, я просто не привыкла к окружению, в котором люди так искренны и добры. – Сквозь смех признаюсь: – Я ожидала суровую мачеху и ее дочь-бунтарку, которая устроит мне шоу на выживание. А вы... вы совсем другие. Это прозвучит глупо, но когда все идет хорошо, я ищу подвох, мне кажется, что что-то пойдет не так...

Сэм возмущенно взмахивает рукой и перебивает меня:

– Не знаю, что у тебя там такое случилось, но не все люди в мире созданы для того, чтобы портить тебе жизнь. Тебе стоит это запомнить, чтобы... ну, хотя бы не сталкиваться с трудностями в общении.

Как ловко она скрыла под этими словами «чтобы не потерять еще больше, чем ты уже успела».

Пока я успокаиваюсь окончательно, она подходит к ноутбуку и включает его. Когда Сэм спрашивает пароль, я без раздумий называю комбинацию цифр и поворачиваюсь, гадая, что она задумала. Издалека я различаю открытое приложение Spotify и улыбаюсь, когда в колонках начинает играть Måneskin – Close to the Top.

На первых же нотах песни Сэм делает погромче и начинает плясать какой-то импровизированный танец, двигаясь в такт бодрой музыке. Сэм протягивает руки и недвусмысленно намекает на то, что мне пора присоединиться. Помедлив всего мгновение, я поддаюсь ее очаровательной беззаботности и энергии, поднимаюсь и сжимаю ее руки в ответ. Вместе мы начинаем танцевать так, как только умеем. В моем случае, крайне топорно и неестественно, но именно это заставляет меня смеяться и улыбаться.

В какой-то момент Сэм начинает громко и уверенно подпевать. Такую свободу, с которой она поет свою любимую песню, такую энергию, которая делает Сэм по-настоящему живой, я не видела никогда.

Как же хорошо, что сегодня не сбылось ни одно из моих ожиданий.

Глава 8. Набег

Ночные кошмары – мои старые верные друзья. Они и раньше постоянно навещали меня под утро, когда глубокий сон прерывался рассветом или вечным шумом машин за окном. Теперь, когда моя жизнь буквально вывернулась наизнанку, ни одна ночь не проходит без их настойчивого визита.

У кошмаров скверный, садистский характер. Проще говоря, те еще паскуды. Будто верные проводники, они раз за разом окунают меня в события прошлого. Почти всегда демонстрируют смазанные обрывки задом наперед: от плодов, которые я пожинаю сейчас, к корням всей этой отвратительной истории.

Так происходит и этой ночью. Мое сознание, охваченное агонией сменяющихся образов и ощущений, уверено в достоверности происходящего настолько, будто бы я действительно заново проживаю его.

Мама с перекошенным от ярости лицом. Ее заплаканные глаза с разводами от дешевой туши, комками свалывшейся на щеках. Ее рука, до побеления костяшек сжимающая обыкновенный кухонный нож и трясущаяся так сильно, будто мама боится его сама.

А ведь какая-то часть ее сознания наверняка вопила о том, что происходит непоправимое. Никогда не поверю, что в тот момент в ней не осталось ничего от той женщины, которую я знала в детстве. Какая-то крупинка, капелька, щепотка... но была. Именно она сотрясала все тело мамы дрожью.

Какой-то посторонний звук нарушает течение кошмара. Тихий скрип паркетного пола звучит в моих ушах настолько неестественной, неправильной деталью, что меня охватывает еще большая паника.

Я резко открываю глаза, наконец осознав, что все это время метаюсь по кровати. Сначала окружающая меня комната кажется до ужаса незнакомой и чужой. Резко сажусь в постели, включаю прикроватный бра и судорожно восстанавливаю в памяти события последних недель. Когда я поднимаю взгляд, становится понятно, откуда доносился этот тихий скрип паркета.

Айден застывает посреди комнаты, не решаясь приближаться. На нем только наспех надетые спортивные штаны и белая облегающая майка, нет даже обуви – кажется, что он сам только что вскочил с кровати. На поясе виднеется португеза с кобурой для пистолета. Руки телохранителя слегка приподняты, он как бы демонстрирует, что не собирается пользоваться оружием. Словно это должно меня успокоить, с учетом того, что он посреди ночи какого-то черта делает в моей комнате.

Заметив гнев, смешанный с испугом на моем лице, Айден тихо произносит:

– Полагаю, тебе снился кошмар. Я услышал крик, обязан был проверить.

В растерянности оглядываюсь вокруг. В сознании мелькают обрывки кошмара, и я наконец полностью возвращаюсь в реальность. Простынь и одеяло смешаны в один ком, а на моих щеках ощущается свежая корочка от высохших слез. Спohватившись, хватаю край одеяла и натягиваю его едва ли не до подбородка, отползая назад так, чтобы уткнуться спиной в изголовье кровати. Я не свожу пристального взгляда с Айдена. Держу его в поле зрения, это внушает иллюзию, будто у меня все под контролем.

Кто бы знал, насколько мне страшно. Его не должно быть здесь. Кем бы Айден ни работал, он остается мужчиной, он намного сильнее меня. Это не парень, которого можно будет остудить пощечиной или парой едких оскорблений.

Похоже, все эти судорожные размышления как-то отражаются на моем лице.

– Шелл.

Вздрагиваю, не ожидая услышать в его голосе капельку негодования. Поразительно, как меня пугает проявление хоть чего-то живого в Айдене – хотя в добром здравии я наверняка бы не упустила возможность подколоть его за потерю прежней выдержки.

– Я не собираюсь причинять тебе вреда, – уже тише произносит Айден. – Подумай сама. За любой проступок я понесу ответственность куда большую, чем любой другой человек. Я похож на того, кто любит влипнуть в неприятности?

Скорее, он похож на того, кто от них избавляет. Но я молчу, стиснув зубы, и лишь отрицательно качаю головой. Я не могу отвести взгляд от кобуры и пистолета в ней. Проследив за моим взглядом, Айден нарочно медленно снимает португепю вместе с кобурой и бесшумно наклоняется, чтобы положить ее на пол.

– Все в порядке, – зачем-то говорит он снова и слегка приподнимает руки.

Страх, сковавший меня спросонья после ночного кошмара, довольно быстро рассеивается. Излишняя осторожность Айдена раздражает. Он обращается со мной, как с диким, загнанным в угол зверем... неужели я так и выгляжу?

– Раз все нормально, – вырывается у меня, – почему ты до сих пор здесь?

– Жду прямого приказа.

Мои губы вздрагивают, едкие слова уже готовы сорваться с них. Но я почему-то молчу. Да, стоило бы выгнать телохранителя из моей комнаты и попытаться уснуть, однако перспектива нырнуть обратно в череду кошмаров спасением совсем не видится. Мне хочется... поговорить?

Не стоит забывать, кто такой Айден. Как он опозорил меня на глазах половины университета.

Однако мне так и не удается выдавить из себя короткое «уйди». Такое простое слово, но оно костью застревает у меня поперек горла. Злость на себя саму зреет гнилым плодом где-то в груди. Закрываю глаза и прислоняюсь затылком к прохладной стене. Слышу, как Айден садится в кресло возле камина, всего в пяти шагах от кровати. Приоткрыв глаза, я украдкой наблюдаю за ним, пока мужчина осматривает выключенный камин.

В тусклом свете прикроватного бра видны мышцы его плеч. От силуэта тела Айдена где-то в моем животе сворачиваются узлы. И это вовсе не милые бабочки, о которых я столько слышала.

– Эти кошмары как-то связаны с тем, почему ты попала в клинику?

Тихий вопрос Айдена застаёт меня врасплох. Пробежавшись взглядом по комнате, неохотно признаю, что кроме моей глупой неприязни к этому человеку у меня нет ни единой достойной причины, почему я могла бы соврать или уклониться от ответа.

– Да. Это связано с недавними событиями... с мамой, точнее. В общем, долгая история.

Когда уже готова продолжить рассказ, предательский ком застревает в горле. К счастью, Айден не настаивает на продолжении. Я благодарна ему за то, что не демонстрирует ложную заинтересованность. Айден телохранитель, не более того. Мне не стоит об этом забывать.

– Неважно, что там произошло, – вдруг нарушает он тишину. – Теперь ты здесь. Это главное.

В легкой растерянности смотрю прямо перед собой. Не таких слов я от него ожидала, однако они наводят меня на новые туманные размышления. В голову с поразительной настойчивостью лезет вопрос: чувствую ли я себя здесь *дома*? В безопасности ли я? Пытаюсь быстро вспомнить лица людей, с которыми успела пересечься на территории особняка.

– Ты же знаешь всех, кто работает в доме отца? – задумчиво спрашиваю я.

– Можно сказать, что да.

Медлю, прежде чем задать новый вопрос. Сомневаюсь, не слишком ли странно и абсурдно он будет звучать, но раз уж начала...

– Ты хорошо разбираешься в людях, – осторожно подмечаю я. – Как думаешь, кого из местных следует опасаться?

Только сейчас Айден поворачивает голову в мою сторону. Взгляд его скользит по темному полу, но так и не перемещается на меня.

– С учетом моего постоянного нахождения рядом, никого.

– Ну мало ли. – Мне становится стыдно за свой вопрос, поэтому пытаюсь свести все к шутке. – Между прочим, твое присутствие как раз и наводит на мысли, вдруг тут кто с катушек слететь может.

Айден ничем не отвечает на мой неловкий юмор. Когда я уже решаю, что разговор снова сошел на нет, он вдруг произносит:

– Тебе не доводилось пересекаться с людьми, которые могут вызвать опасения. В этой части дома находятся только те, кому твой отец доверяет. Все они вполне надежные люди, знающие свое место.

Только сейчас задумываюсь о том, сколько работников я видела вообще. Садовник, водитель, лакей в обеденном зале, повар, уборщица... и, собственно, все.

Догадка пронзает, как разряд электричества. Если отец намеренно держит людей на расстоянии от меня, может ли он точно знать о том, что случилось в доме матери? Эта мысль настолько пугает, что я насильно заглушаю ее, заставляя себя думать о чем-то другом. В голове вертятся глупые и бесполезные вопросы, но все же из этой карусели я умудряюсь выхватить стоящий.

– Я так и не знаю, сколько тебе лет, – растерянно произношу я. Забавно, что такой вопрос задается мной только сейчас. – Папа говорит о тебе так, будто вы очень давно знакомы.

– Мне двадцать семь. Последние пять лет я работаю на мистера Мэйджерсона.

Я невпопад киваю, не зная, как мне относиться к такому ответу. Разница в нашем возрасте составляет всего шесть лет, но кажется, нас разделяет целая жизнь. Думаю, стоит ли спрашивать, чем Айден занимался до моего появления, но вопрос телохранителя опережает меня:

– Я тоже хотел бы кое-что спросить. Почему ты так меня ненавидишь?

Когда я в замешательстве поднимаю голову, наши взгляды пересекаются. Как-то упустила момент, когда именно он начал наблюдать за мной. Почему этот вопрос Айдена так возмутил меня? Это ведь правда.

– Хм, с чего бы начать? – не удерживаюсь я от горькой усмешки. – Может, с того, что тебя наняли без моего ведома и согласия? Или с того, что ты вытворил на парковке перед универом? С того, что я и шагу не могу сделать без твоего пристального внимания? Хм, или с того, какой ты безэмоциональный истукан, которого невозможно прочесть?

«Или потому, что я постоянно забываю, что хотела отомстить?» – этого вслух не произношу, удержав слова на кончике языка, и плотно поджимаю губы.

Айден пару раз моргает, неотрывно смотря на меня. Похоже, такого честного и развернутого ответа он и не ждал.

– Никогда бы не подумал, что моя сдержанность окажется пунктом в списке моих промахов. Но раз так, я приношу свои извинения. За все пункты. Но не выполнять свою работу я не имею права.

– Угу. Забей, я знаю. Просто... За последние пару лет я всегда наготове. Защищаться, разбираться, с чем-то бороться... в одиночку. И я привыкла отвечать только за себя, полагаться на свои знания, умения и выдержку. Очень трудно взять и смириться с ровно противоположным вариантом, понимаешь?

Без особой надежды перевожу взгляд на Айдена, но он, к моему удивлению, кивает.

– Вполне.

Такой простой, но в то же время важный ответ селит в душе множество противоречий. Молчу, разглядывая его лицо в полумраке комнаты. Я испытываю чувство вины за то, что

клялась заставить этого человека пожалеть о своей работе. В то же время корю себя за то, что вообще чувствую что-то подобное и отступаю от своих прежних убеждений и обещаний. Как же с ним все сложно...

– Я ведь явно усложняю тебе работу. А ты мне – жизнь. Почему ты просто не найдешь нового заказчика? – как-то совсем отчаянно спрашиваю я.

– Сейчас с этим трудно. По многим причинам.

– То есть ты мне жизнь просто от безвыходности портишь? – усмехаюсь я.

– Я не порчу ее, а оберегаю, – поправляет Айден и добавляет тише: – По крайней мере, пытаюсь.

В комнате становится очень тихо. Я не нахожу ответа и опускаю взгляд на свои руки. Слышу, как Айден поднимается со своего места, и кресло тихонько поскрипывает от его движения.

– Пойдем, – вдруг говорит он.

Я в удивлении поднимаю голову. Телохранитель поворачивается и едва заметно пожимает плечами.

– Спать ты явно больше не хочешь. А на кухне еще никого нет. Можем устроить набег. У меня нет кулинарных навыков... но там должно быть что-то в холодильниках.

Сначала не верю своим ушам. Еще несколько секунд глупо смотрю ему в спину. Айден, решив, что я отказываюсь, поднимает с пола кобур и направляется к двери. Спихватившись, что он устроит ночной пикник без меня, я тут же спрыгиваю с кровати, накидываю поверх ночной майки длинную толстовку и семеню следом за телохранителем.

В коридорах дома царит глухая темнота. Я зябко поеживаюсь, скорее от парадоксального страха, нежели от холода. Слепо смотрю по сторонам и едва ли не налетаю на притормозившего Айдена. Он протягивает мне руку, и я цепляюсь за предплечье мужчины. Теплая кожа оказывается неожиданно мягкой, и в сравнении с ней мои пальцы напоминают лягушачьи лапки.

– Ты в самом деле как маленький ребенок, – почти шепотом причитает Айден. – Боишься ночных кошмаров и темноты.

Почему-то я не нахожу в себе былой злости, чтобы колко ответить на подобные заявления. Возможно, все дело в том, как мягко прозвучал этот укор – так, будто эти слова даже при желании нельзя воспринять как удар. Или же дело в том, как уверенно и бесшумно Айден ведет меня по погруженному в темноту дому, позволяя держаться позади.

А может, в самом факте того, что телохранитель тайком пробирается вместе со мной на кухню посреди ночи, выскивает съестные припасы, шикая на меня, когда я излишне громко роняю коробку с замороженными куриными наггетсами. Мы вдвоем упираемся взглядами в тихо шумящую микроволновку, ожидая, когда произойдет маленькая кулинарная магия.

К себе в комнату я возвращаюсь лишь через час, лопаюсь от сытости. Я бы покатила по полу шариком, если не Айден, упрямо проводивший меня до самой двери. Берусь за ручку и медлю, с тяжелым сердцем проматывая в голове всю сегодняшнюю ночь. Привычное самокопание ставит меня перед вопросом: куда подевался весь твой нрав, Шелл? Куда делся праведный гнев, как получилось так, что сегодня ты по собственной воле провела с ним время? Или твоя гордость стояла пачки куриных наггетсов?

Так или иначе, Айден заслуживает благодарности.

– Спасибо, – шепчу я перед тем, как скрыться в комнате.

В предрассветном полумраке замечаю, как телохранитель сдержанно кивает. Была ли игрой моего сонного воображения тень улыбки, мелькнувшая на его губах?

Глава 9. Уговор

Хэй, принцесса из замка, твоя тачка готова.

Это ли не лучшее сообщение, которое можно получить с утра? Особенно когда это самое утро начинается далеко за полдень. Пока я тщетно протираю глаза и продолжаю нежиться в постели, телефон издает тихий звук, привлекая мое внимание к еще одному сообщению. Я приподнимаюсь на локтях и посматриваю на экран блокировки.

Сегодня ночью собираемся как обычно. Ты будешь?

Улыбаюсь, беру телефон в руки и переворачиваюсь на спину. Медлю с ответом, задумчиво поглядывая на аватарку Лиамы. В сознание закрадывается пугающее подозрение: раз о законченном ремонте мне сообщает именно он, не приложил ли Лиаме свои ушлые ручки к моей машине? Виниловых наклеек с полуголыми аниме-красотками я ему точно не прощу.

Ответ дается мне удивительно легко.

Да.

Я слишком скучаю по нашей безумной компании. А может, я скучаю по себе самой – прежней, какой меня знают только эти ребята. Как будто старая, всем знакомая душа затерялась где-то среди пыльных стеллажей автомастерской.

Этой же ночью совершаю уже второй свой побег. Я не тешу себя надеждами, что моя схема будет работать вечно – рано или поздно меня заметят, и дело кончится скандалом. Особенно с учетом того, что Айден уже слышал о некоторых... несостыковках. За неимением других вариантов, я обещаю себе придумать что-то более надежное позже.

Путь до мастерской отнимает у меня чуть меньше времени. Теперь дорога знакома, сил достаточно, а мои навыки езды на велосипеде ожидаемо подросли. Хоть мышцы ног и спины сводит от нагрузки, я останавливаюсь всего пару раз, чтобы выпить воды.

Когда впереди начинает виднеться родное взгляду здание, я не могу сдержать улыбки. Велосипед оставляю возле поржавевших гаражных ворот и с наслаждением вдыхаю запах бензина – наверняка кто-то недавно заправлял полный бак, используя канистру.

На первом парковочном месте я замечаю свою машину. Сердце пропускает удар, порыв нежности заставляет меня растроганно улыбаться. Моя красotka вымыта и отполирована – будто только недавно покинула автомобильный салон. К счастью, никаких виниловых наклеек с обнаженными девушками на ней нет.

– Думала, мы ее на запчасти разберем? – раздается позади меня голос Лиамы.

Я тут же испуганно оборачиваюсь и чертыхаюсь, на что он только шире улыбается. Парень стоит, облокотившись спиной о высокую ржавую бочку, которую мы обычно выносим на улицу, чтобы сжечь в ней мусор.

– Нет, я боялась увидеть твой вклад, – признаюсь с усмешкой, похожей на те, что имеет в своем арсенале сам Лиам.

Он театрально хватается за сердце, изображая ранение. Перестав валять дурака, парень с прежней улыбкой поглядывает на меня:

– Вообще-то я всего лишь убрал ржавчину с порогов и грязь с подкрылок. Могла бы и заметить.

Пока я в удивлении оборачиваюсь обратно к машине и наконец замечаю проделанную Лиамом работу, из нашей импровизированной гостиной раздается возглас Лео:

– О, Шелл здесь! Наконец-то! Ноа, распечатавай, чего пожевать!

– Спасибо, – успеваю я искренне поблагодарить Лиаму, прежде чем он уходит к ребятам.

Джексон встречает меня крепкими объятиями. Ноа – медленным кивком головы, после чего протягивает мне кусочек пиццы. Я с удовольствием пробую еще теплую пепперони и похлопываю по плечу Лео, пока Питер ограничивается усталой улыбкой. Он выглядит так, словно не спал последние несколько суток. На мой встревоженный взгляд он отмахивается, а Лиам поясняет:

– Это он так решил заранее готовиться к экзаменам. Еле вытащили этого зубрильщика.

– Серьезно? – Я удивленно моргаю, занимая место на диване возле Джексона. – Пит, я тебя не узнаю. Ты же никогда не был ботаником.

– Поэтому меня и спасет только зубрежка, – морщится друг, будто попробовал безалкогольное пиво. – Мне и так грозит неаттестация. Давайте хоть тут не будем об этом, а? Налетайте. Я зря, что ли, столько пиццы привез? Шелл, ты первая.

– Да, кстати, – встrepенувшись, замечает Лиам. – Ты себя вообще видела?

Я в растерянности моргаю, улыбка застывает на губах. Прежде, чем я начинаю понимать, что со мной не так, Лиам наклоняется с кресла, дотягивается до меня и пытается ущипнуть за бок. Скривившись, я успеваю увернуться, а парень со смехом поясняет:

– Где твоя знаменитая сочная фигура? Где шикарные ляжки, сексуальные руки? Что за кожа да кости? Фу. Не разочаровывай меня.

Впервые за долгое время я хохочу так искренне. Джексон важно кивает, демонстрируя полную солидарность с претензиями Лиамы, и уже протягивает мне второй кусочек пиццы вместе со стаканом какой-то газировки.

И я не смею с ними спорить.

Даже не помню, как все перешло к танцам. Я едва ли не сворачиваюсь от хохота, когда Лиам и Лео отплясывают нечто среднее между макаренкой и тектоником. Смотрю на них и ловлю себя на ощущении, что напряжение последних дней наконец-то отступает от меня прочь. Я словно вдыхаю долгожданную порцию свежего воздуха.

Танцы под случайную музыку как-то незаметно перетекают на улицу. Ребята выкатывают из мастерской нашу старую ржавую бочку, заполняют ее макулатурой и поджигают. Ради старого медиапроигрывателя Ноа протягивает удлинитель прямо из мастерской.

Мы совершенно одни. Под покровом мягкой, прохладной ночи. На мили вокруг – никого, кроме нас, нашей музыки и тепла от горящей бочки. Присев на край бетонного ограждения, я поднимаю голову к небу и всматриваюсь в те редкие звезды, что виднеются там, далеко-далеко впереди. Их вечное сияние дарит мне необъяснимый покой и умиротворение. Кажется, будто бы, пока на небе еще светят звезды, – можно выдержать все что угодно.

Нашу шумную тусовку я запоминаю отдельными, яркими моментами. Когда воздух на улице становится совсем уж кусачим, а на танцы ни у кого не остается сил, мы возвращаемся в мастерскую.

Я с наслаждением плюхаюсь в покосившееся кресло. Взгляд лениво скользит по поддонам, служащим нам столиком. Кто-то оставил бутылку газировки, открытую, но все еще полную. Напиток наверняка изрядно выветрился. Пока я тянусь за бутылкой, меня, как и всех остальных, отвлекает ненавязчивый, едва различимый звук, которого здесь точно не должно быть: тихий хруст гравия под колесами легковой машины и мягкое урчание двигателя. Мой растерянный взгляд падает на Джексона, и я холодею, поскольку его лицо излучает тревогу. Лиам, будто бы за секунду протрезвев, садится на диване ровно и прислушивается.

– У вас появился кто-то новенький, пока меня не было? – тихо спрашиваю я.

Джексон отрицательно мотает головой. Он поднимается с кресла и жестом зовет Лиаму за собой. Вдвоем они, как самые бесстрашные, направляются к дверям мастерской. Парни вооружаются чем попало: Джексон подхватывает старый газовый ключ, а Лиам – монтировку. Парни встают по обе стороны от главного входа. В мастерской становится так тихо, что мне кажется, будто бы всем вокруг слышен тревожный стук моего сердца. Питер стремительно бледнеет,

и в его глазах отражается такой ужас, что я почти уверена: он в курсе, кто мог пожаловать сюда в такой час. Ноа сохраняет спокойствие и открывает панель набора номера на телефоне, набирает 911, но пока не нажимает на иконку вызова. Только Лео, проснувшись от дремы, без лишней паники удивленно моргает глазами.

Когда затянувшиеся мгновения тишины кажутся мне вечностью, дверь мастерской открывается. Чья-то высокая темная фигура проскальзывает вперед. Джексон и Лиам не теряют времени даром – атакуют с двух сторон, начиная драку. Даже не знаю, кто из них издал этот воинственный вой перед началом боя.

Однако он так же быстро обрывается. Лиам вместе с монтировкой оказывается на полу еще до того, как я узнаю нашего незваного гостя.

Только не это.

Пока я застываю от ужаса, Айден с невозмутимым выражением лица заламывает Джексона руку, отбирает газовый ключ и толкает парня в сторону с такой силой, что тот катится по полу едва ли не кубарем. Все происходит слишком быстро – ребята замирают в шоке, мастерская снова погружается в тишину. Лишь Айден отбрасывает подальше газовый ключ, аккуратно поправляет пиджак на плечах и поворачивает голову ко мне.

Его взгляд скользит по бутылке газировки, которую я до сих пор сжимаю побелевшими пальцами, перемещается на банки из-под энергетиков, сиротливо лежащих где-то на полу возле поддонов, и наконец останавливается на недоеденной пище.

– Какого тут происходит?! – первым от оцепенения оправляется Лиам. Парень подбирает с пола монтировку и угрожающе щурится, буквально прожигая Айдена взглядом. – Ты кто такой, чувак?

Не обращая никакого внимания на его негодование, телохранитель проходит помещение мастерской и занимает место аккуратно позади моего кресла. Там он и застывает, наверняка еще и руки перед собой складывает.

– Папин подарок, – компенсирую я молчание Айдена и кисло усмехаюсь.

– Твой папа нанял тебе телохранителя? – почти восхищенно выдыхает Лео. – Круто!

– Ты серьезно? – Джексон так и не двигается с места, буравя взглядом то меня, то моего надзирателя.

– К сожалению, да, – удрученно вздыхаю я. – Надеюсь, что смогу отвязаться от него хотя бы ночью, но сами видите... – Замолчав, я поворачиваюсь к Айдену и прищуриваюсь: – Как ты вообще нашел меня?

В привычном молчании, словно не желая использовать голос там, где можно обойтись без него, Айден достает телефон, снимает блокировку и поворачивает устройство экраном ко мне. На карте района мигает всего одна точка, – ровно в том месте, где прямо сейчас находится наша мастерская. В моих жилах стынет кровь.

– Жучок на мне?!

– В твоём телефоне, – бесстрастно отвечает Айден.

Когда он успел? Ответ напрашивается сам собой: у телохранителя было достаточно времени, чтобы установить что-то на моем смартфоне. Особенно после того, как я проговорилась о своих делах при нем же.

Я со вздохом отворачиваюсь от него и в усталом жесте потираю лицо ладонями. Джексон возвращается к дивану, но не спешит садиться – он не спускает внимательного взгляда с Айдена. Лиам же выглядит так, будто из его глаз вот-вот выстрелят молнии.

– Ты же человек, должен спать по ночам, – бормочу я. – Почему ты здесь?

– Не спалось, – лаконично отвечает телохранитель. – Интуиция подсказала проверить сигнал. Убеждаюсь, что ею никогда не стоит пренебрегать.

– А он в курсе, что это незаконно? – Лиам демонстративно разговаривает со мной так, будто Айден нас не слышит.

– Вряд ли это имеет значение, – я слегка морщусь. – Просто забейте, ребят, серьезно. Сделаем вид, что его тут нет.

Пока среди парней разгорается бурное обсуждение, и они наперебой начинают обосновывать абсурдность положения дел, Айден слегка наклоняется ко мне и тихо спрашивает:

– Мистер Мэйджерсон знает про это место?

Страх тонкими коготками впивается в мое тело.

– Нет.

От такой перемены в моем голосе даже среди парней стихает спор, и пять пар глаз удивленно устремляются на меня.

– И, если ты хоть заикнешься перед ним о мастерской, я тебе... – теряюсь, перебирая десятки вариантов жестоких расправ.

– А мы поможем! – лучезарно скалится Лиам, явно поддерживающий любой из них. Для наглядности своих намерений он постукивает концом монтировки по колену.

– Понял, – так же невозмутимо отзывается Айден.

– Что ты понял, охранник Walmart?² – с вызовом бросает Лиам.

– Я не стану ничего докладывать. Ровно до того момента, пока это место не представляет опасности для Шелл.

Удивлена, что он не сказал что-то вроде «для моего объекта».

– Пф-ф, – Лиам закатывает глаза.

– Да мы и так сама безопасность, – миролюбиво улыбается Питер.

– Это правда! – вмешивается даже Лео. – Оглянись вокруг, чувак, мы сами все здесь обустроили.

Айден даже не шевелится, полностью игнорируя парней. Лиам пожимает плечами и демонстративно закидывает на них монтировку.

– И чем вы здесь занимаетесь? – вдруг спрашивает Айден без особого интереса.

Ого. Он решил перестать игнорировать моих друзей.

– Мафия и про... – тут же начинает Лиам, но Джексон резко взмахивает рукой, кидает на парня раздраженный взгляд и перебивает его:

– Ремонт старых машин.

Сейчас Лиам мог бы навлечь своей шуткой еще больше неприятностей на мою голову. Не думаю, что телохранитель обладает чем-то вроде чувства юмора. После нескольких секунд молчания, в течение которых парни демонстративно отводили взгляды от Айдена, он наконец выносит вердикт:

– Малы вы для мафии. Но судя по всем этим баллончикам, вы ценители нелегального искусства.

Я кидая взгляд в сторону, где на старом верстаке сложена груда пустых и полупустых аэрозольных красок. На моих губах мелькает улыбка. Айден слишком внимателен.

Ребята растеряны его проницательностью. Только Лиам и Ноа выглядят так, будто бы их не интересует разоблачение.

– Много старых деталей от автомобилей, инструментов разной степени паршивости, – продолжает лаконично перечислять Айден. – Полагаю, мелкое воровство. У меня возникают вопросы к тем машинам, что стоят около мастерской. Многие выглядят так, словно их угнали со свалки. Интересно будет проверить их номера.

В мастерской воцаряется гнетущая тишина. Питер стремительно бледнеет, Джексон замирает в напряжении, а Лиам заинтересованно наклоняет голову.

Вот и раскрывается неприятная подноготная нашей компании. Не по себе становится даже мне, ведь с этого момента у нас всех официально начинаются проблемы. Потому что

---

² Сеть американских магазинов.

Айден прав. Ремонт старых машин мы и правда занимаемся, но тщательно скрываем, откуда их вообще берем. Храним в тайне наши вылазки, совершаемые на заброшенные и не очень объекты. Никто из наших клиентов не знает, как мы достаем старые запчасти и инструменты.

Мы мелкие воришки. Ну, как *мелкие*. Так можно сказать, только если забыть, что на счету нашей команды как минимум три машины, украденные с городской автомобильной свалки. Однако я не думаю, что кто-то, кроме наших энтузиастов Джексона и Ноа, смог бы вернуть эти консервные банки к жизни. Теперь у них есть шанс найти новых хозяев.

Что ж, по крайней мере, Айден не догадался о...

– А судя по вашим личным машинам, что стоят в мойке, вы любители ночных гонок. Думаю, таких же нелегальных.

...о стритрейсинге. Черт, Лиам, если бы не его вызывающие дизайны! О чем думали ребята, позволяя ему творить из машин экспонаты для выставки андеграунда?

Лицо Питера приобретает почти зеленоватый оттенок, а Джексон и Лиам быстро переглядываются. Повернув голову обратно, Джексон в мрачном ожидании смотрит на телохранителя.

– Теперь сдашь нас копам? – уточняет он.

– Пусть только попробует, – почти ласково предупреждает Лиам.

– У нас тоже кое-что имеется, – Ноа мельком показывает экран своего телефона, на котором включен диктофон. – Ответишь за чрезмерное преследование с использованием незаконного следящего программного обеспечения.

Ай да Ноа, ай да молодец. Конечно, это почти ничто по сравнению с нашими заслугами, но бой будет проигран не всухую.

Однако все это оказывается ни к чему, ведь Айден спустя несколько тяжелых секунд молчания спрашивает:

– Почему я должен вас кому-то сдавать?

Его голос кажется все таким же бесстрастным, но я улавливаю в нем нотку удивления. Не выдержав, я оборачиваюсь на Айдена. Мне приходится слегка задрать голову, но на лице телохранителя, конечно же, нет никаких ответов.

– Ничто из того, что я здесь вижу, не несет прямой угрозы.

– По крайней мере, пока, – продолжает он, по очереди смотря на парней. – И я очень не рекомендую втягивать ее в ваши дела. Вы можете заниматься чем угодно. Но если в этом будет замешана Шелл, я не имею права оставаться в стороне.

С возмущением поворачиваюсь обратно к ребятам. Они же не думают отстранить меня от наших вылазок? Чтобы я приезжала сюда потусоваться на пару часов и поесть? Я же была неотъемлемым членом команды... по крайней мере, раньше.

– Звучит как уговор, – подмечает Ноа и, как и я, поглядывает на Джексона, ожидая его ответа.

Мое сердце успевает остановиться, пока Джексон в тишине принимает самое жестокое решение.

– Хорошо.

В отчаянии перевожу взгляд на Лиам, ожидая хотя бы его сопротивления, но парень только молча смотрит на Айдена – будто бы уже смирившись. Повернув голову, я смотрю на Ноа, Питера и даже Лео, но все они решают довериться голосу Джексона.

– Вот и снова минус один, – со вздохом подмечает Ноа.

Скрипнув зубами, я намереваюсь сесть обратно, но Айден останавливает меня прикосновением. Он снова слегка наклоняется ко мне.

– Твой отец скоро проснется. Если не хочешь проблем, нужно вернуться как можно скорее.

Сбитая с толку, я обращаю взгляд к высоким окнам, за которыми и правда светлеет пред-
рассветное небо.

– Ладно, – с тихим вздохом сдаюсь я.

Машину решаю оставить здесь – везти ее в дом отца почему-то не хочется, да и смысла
особого нет. Тайком на машине мне не уехать, а в обычное время Айдэн использует свою. Тоск-
ливо взглянув в сторону своей крошки, обещаю себе как можно быстрее разобраться со всей
этой неразберихой, в которую превратилась моя жизнь, и вернуться к прежним распорядкам.

Парни тепло прощаются со мной. Питер заключает в долгие крепкие объятия, говоря
что-то подбадривающее. Ноа, как редкостный противник тактильности, лишь кивает. Лиам
ерошит ладонью мои волосы и приобнимает, напоминая, кому следует звонить в случае чего.
Тут же Лео обнимает меня так крепко, что у меня хрустит спина. Я немного посмеиваюсь,
погладив его по голове.

И, наконец, Джексон. Впервые глубокий взгляд его карих глаз не вызывает во мне жела-
ния улыбнуться.

– Не злись на меня, Шелл, – мягко просит он. – Я делаю все ради твоего блага.

Он странным образом напоминает мне отца. Лишь покачиваю головой, надеясь, что он
поймет – я совсем не злюсь. Может, чувствую себя чуточку преданной. Расстроенной. Подав-
ленной. Но точно не злюсь. По крайней мере, не на Джексона. Потому что свое прежнее место
в команде я потеряла не сегодня.

А почти два месяца назад.

Глава 10. Язык музыки

Несколько дней подряд тянутся однообразной чередой. Вереница бессмысленных и раздражающих заданий, переписки по электронной почте с преподавателями и, в качестве отдушины, почти постоянное общение с Софи.

Ближе к выходным я решаюсь попросить Айдена отвезти меня в город – хотя бы ради похода в магазин за вещами первой необходимости. Конечно, можно заказать все доставкой или обратиться к любому работнику дома, но я старательно игнорирую эти варианты, желая проветриться. Не хочу, чтобы мое затворничество в четырех стенах стало постоянным.

Как и всегда, Айден молчит. За окнами машины мелькает однообразный лесной пейзаж – до дома остается всего ничего. Я то и дело проваливаюсь в дрему, но все равно замечаю, когда телохранитель неожиданно тянется к гарнитуре в ухе и прикасается к ней, принимая входящий вызов. Из-за того, что Айден продолжает молчать, я уже всерьез сомневаюсь, не поправлял ли он устройство просто так.

– Понял, – наконец кратко отвечает он и снова касается гарнитуры, чтобы завершить звонок. Кинув на меня взгляд, Айден лаконично сообщает: – Когда приедем, тебе стоит сразу подняться в комнату и не выходить в течение часа. У мистера Мэйджерсона рабочая встреча.

Хочу уточнить, чем я могу помешать встрече, если отец заверяет, что этот дом – и мой тоже, но в итоге решаю промолчать. Такой вопрос все равно был бы риторическим, а слушать очередное тяжелое молчание в ответ мне не хочется.

Миновав главные ворота, Айден проезжает мимо основного крыльца и вместе со мной останавливается возле дверей гаража, ожидая, пока они медленно поднимутся. Обычно он паркует машину уже после того, как высадит меня у крыльца, но не в этот раз.

Из гаража мы перемещаемся в западное крыло дома. На широкой лестнице, ведущей на второй этаж, я замедляюсь: из обеденного зала доносятся едва различимые мужские голоса. Один из них принадлежит моему отцу, два других мне абсолютно незнакомы. Их резкость, раскатистость и хриплость не вызывают ни единой хорошей ассоциации.

– ...черта с два, Мэйджерсон! Мы так не договаривались, – один из мужчин заметно повышает голос, отчего я разбираю слова.

Отец спокойно и твердо что-то вкрадчиво отвечает, а секундой позже слышится удар двустворчатых дверей – один из собеседников покинул обеденный зал.

Я вижу его. Украдкой, всего на мгновение, когда мужчина появляется в широком арочном проеме, разделяющем холл и лестницу. Крепкое телосложение, небритое, бугристое лицо и лысая голова. Но главное – разъяренный взгляд, от которого по моему телу пробегает холодок.

Я вздрагиваю от неожиданности, когда Айден прикасается ладонью к моей спине. Только мгновением позже понимаю, что таким образом он меня потирает.

Оказавшись в комнате, я выдыхаю. Легкая волна облегчения ложится на плечи, а взгляд падает на электронные часы: почти пять. Значит, я как раз вовремя. Не успеваю включить ноутбук, как тут же на весь экран всплывает уведомление о входящем звонке от Софи. Я невольно улыбаюсь, когда вижу подругу.

Она в своем извечном репертуаре. Вокруг нее шум и гам, в кадре мелькает яростно машущий крыльями какаду – один из любимцев Софи. Попугай сидит на ее руке, раскрыв клюв в возмущенном крике. Где-то на фоне слышна музыка, наверно Софи только что закончила очередной кавер-дэнс. Интересно, изучала ли она новую хореографию или повторяла хорошо знакомые? Я не большой фанат корейской музыки, но с точки зрения перформанса, особенно в исполнении Софи, меня это всегда завораживает.

– Почти, немедленно прекрати! – прикрикивает она на попугая.

Какаду опускает голову, забавно растопырив перья на загривке. От его заискивающего вида Софи залиvisto смеется и сгоняет проказника с руки.

– Давай, – кивает она мне, – расскажи о своих приключениях.

Не удержавшись, я фыркаю:

– Все чудесно. Теперь из-за Айдена я отстранена от всех серьезных вылазок нашей команды.

– Ты про ребят из той несчастной заброшенной конторки? – Янтарные глаза Софи весело сверкают. – Ну хоть кто-то оградил тебя от этой шайки.

– И ты туда же?

– Расслабься, я просто шучу. Я знаю, как тебе важна эта стайка волчат. Ты же у них как мама-волк.

– Из твоих уст это все звучит детским лепетом, – я морщусь, внезапно ощутив себя крайне глупо и нелепо.

– Это ты так слышишь. А я рассуждаю серьезно. Ты всегда чувствовала себя обязанной отвечать за них всех, за состояние этой вашей заброшки и за все, чем вы там занимаетесь. А теперь, когда тебя лишили возможности действовать, как ты привыкла, ты ожидаемо бунтуешь. И конечно же, виноват наш бедняга Айден.

– Да не то чтобы, – рассеянно подмечаю я.

А ведь я и правда ни разу жестко не отчитывала его. Даже... странно.

– Вау. – Софи заинтересованно наклоняет голову. – Неужели твое ледяное сердце начало оттаивать? Это стоит отпраздновать.

– Ничего у меня не оттаивает.

– Да? Ну ладно, вернемся к теме разговора. Ну вот что кардинально изменится, если ты теперь не будешь влезать по уши в опасное дерьмо на этих ваших вылазках? Просто проводи спокойное время с ребятами.

Мне требуется несколько долгих секунд перед тем, как отпустить с губ единственный честный ответ:

– Мне будет еще тяжелее вернуть себя.

В комнате воцаряется тишина – Софи еще никогда не делала таких длинных пауз в наших разговорах. Смотрю в стол, не видя экрана, и уже думаю, что видеозвонок прервался, но когда поднимаю глаза, то сталкиваюсь с внимательным взглядом подруги.

– Не знаю, что ты там думаешь, но прямо сейчас я сижу и разговариваю с той же самой Шелл, которая была и пару месяцев назад. А ты делишь все на до и после. Не *кто-то* или *что-то*, а ты *сама* расщепляешь себя, проводишь жирную линию. Но, даже если ты не можешь это остановить, хорошо. Тогда играем с твоим мозгом по его правилам. – Софи улыбается и хитро прищуривает глаза. – Знаешь, что я думаю? Мы все постоянно меняемся, но в итоге всегда становимся теми, кем должны быть изначально. Так почему ты считаешь, что твое «после» делает тебя кем-то другим, а не обновленной версией той же самой Шелл? Может, ты зря ей сопротивляешься.

Мне впервые нечего ответить. Ощущение такое, словно меня разоружили, приставили к стенке и взяли на прицел. Мой взгляд бежит по столу, но так и не цепляется ни за один предмет.

Не знаю, сколько мы сидели молча. Софи не нарушала эту тишину ни единым звуком.

Тихий рокот двигателя каждый раз вгоняет меня в дрему. Я упрямо цепляюсь за остатки бодрости и, подавив зевок, произношу:

– Я в собственной кровати так легко не засыпаю, как в этой машине.

Айден, не изменяя себе, отвечает молчанием. Я даже начинаю привыкать. Потерев глаза, я сажусь ровно и со вздохом достаю из рюкзака две толстые тетради. Чем клевать носом, лучше еще раз проверить, все ли готово к сдаче. Не хочется давать миссис Нитсен лишний повод докопаться, дабы «доступно объяснить плохо усвоившийся материал».

Внезапно Айден касается экрана медиасистемы. Это что-то новенькое с его стороны. Он выбирает в настройках пункт «Подключение нового Bluetooth-устройства», а потом вдруг произносит:

– Можешь включить свою музыку.

Я удивленно моргаю, застыв с неперевернутым до конца листом тетради. Однако возможность послушать любимые треки на хорошей аудиосистеме я не упускаю.

Отчего-то в моей груди начинает взволнованно колотиться сердце. Я со стыдом признаюсь сама себе в этом глупом трепете и прячу это чувство как можно глубже, лишь бы не думать о том, как оно застало меня врасплох. Никто и никогда не предлагал мне послушать любимую музыку вместе. Интересно, как отреагирует Айден? И тут же я обрываю свои мысли: ему определенно нет дела до моих музыкальных предпочтений. Нечего ждать его реакции. Он всего лишь выполняет свою работу.

Я несколько раз пролистываю список сохраненных треков в поисках самого достойного. Выбор оказывается не так сложен: мои любимые Starset и их неповторимая Trials. Моя бравада, мое негласное кредо.

Некоторое время мы едем в молчании. Мысленно я повторяю строки знакомой песни, наблюдая за тем, как по обе стороны от дороги зеленым калейдоскопом проносится лесной массив.

– Не думал, что ты любишь Starset.

Тихий голос Айдена вырывает меня из некоего транса. Растерянно моргаю, уставившись на него.

– Ты знаешь их? – недоверчиво протягиваю я.

– Слушаю все выходящие песни.

У меня буквально отпадает челюсть. В свое время я прикипела душой к Starset именно благодаря их тесной связи с тематикой космоса. Она пронизывает тонкой нитью их музыку, тексты, концепты – буквально все, что они делают. Эта связь манила меня на подсознательном уровне из-за единственной ассоциации с отцом, о котором я не знала ничего, кроме его связи с космической промышленностью. Такое неожиданное совпадение в музыкальных вкусах... слишком сказочно.

– Ты врешь.

Айден игнорирует обвинение. Он дал целых две реплики подряд – а это уже роскошь. Пока я преисполняюсь глухим раздражением, Айден достает свой телефон. Мимолетная мысль врывается в завесу моей мрачности: устройство такое же строгое, черное, с безупречным темным экраном, под стать своему владельцу.

Взгляд телохранителя с поразительной скоростью метается между загоревшимся экраном телефона и дорогой. Айден контролирует и то, и другое, умудряясь даже не сбавлять скорость. Сигнал с моего телефона перебивается, когда Айден подключает к машине свой. Всего два клика – и открывается целый плейлист. Я украдкой поглядываю на названия композиций и замираю.

Он не соврал. Тут буквально все песни Starset. И включает он именно Telepathic. Песню, от которой у меня и так каждый раз перехватывает дыхание, а когда мелодия окружает буквально со всех сторон, это становится мукой и удовольствием одновременно.

Почему именно она из огромного списка других? Я неосознанно вслушиваюсь и впервые от слов песни меня пробирает такая дрожь. А еще я понимаю, что теперь Telepathic всегда будет вызывать воспоминания об этом моменте. Об этой машине. О пустой, сырой после дождя дороге, по которой она несется. О странных словах, повисших в воздухе текстом песни. О мелодии, звучание которой отдается где-то в моей грудной клетке.

И о человеке, который сидит за рулем.

Глава 11. Тюнинг

К счастью, с физикой я заканчиваю быстро. Отстрелявшись по предмету мисс Нитсен, покидаю аудиторию с воодушевляющим ощущением победы. В коридоре я сталкиваюсь со своими знакомыми по курсу. Мы перебрасываемся ради приличия парой ничего не значащих фраз – я старательно вживаюсь в роль нормального человека.

Однако вопрос, заданный ребятами вскользь, всерьез меня тревожит: не видела ли я Питера? Оказывается, его ищут преподаватели из-за постоянных пропусков и невыполненных работ. Питу грозят серьезные неприятности.

Я догадываюсь, почему Питер может прогуливать пары. Точнее, из-за кого. Из здания университета я выхожу в отвратительном настроении, а сядя в машину, неосознанно хлопаю дверью и вздрагиваю от громкого звука. Опасливо кошусь на Айдена, но тот лишь в немом вопросе приподнимает бровь. Меня впервые распирает от желания поделиться мрачными размышлениями и тревогами. Я с сомнением смотрю на телохранителя, а потом, мотнув головой, упираюсь взглядом в телефон.

Как и ожидалось, на звонки и сообщения Питер не отвечает. Не то чтобы я особо надеялась, но попробовать стоило. Теперь пора переходить к следующему этапу поисков.

Общий чат с ребятами из мастерской закреплен в списке диалогов. Спустя несколько минут я прихожу к неутешительному выводу: в мастерской Питер не появлялся уже несколько дней. Как пишет чуть позже Ноа, волноваться не о чем – Питер и раньше пропадал вот так: запойно уходил в компьютерные игры или пытался подтянуть успеваемость. Но что-то подсказывает мне, что проблема тут другая.

И имя ей – Нейтан Пирс. Он и его компания то и дело издеваются над ребятами вроде Питера. Травят тех, кто не способен дать отпор. За их счет Нейтан с прихвостнями самоуверждаются и зарабатывают репутацию плохих парней. Они делают это просто потому, что могут. Ради развлечения. Возможно, они стали жертвами унижений в прошлом, а сейчас отыгрываются, решив таким образом залечить свои психологические раны. Плевать, что служит причиной. Ни одна из них не оправдывает этих парней в моих глазах.

Паршивые чувства стервятниками кружат надо мной. Я поворачиваю голову к окну и в задумчивости вожу указательным пальцем по мягкой кожаной обивке дверной ручки.

Как я могу поставить на место этих уродов? Как бы сбить с них спесь, при этом не опозорившись, как в прошлый раз? Один в поле не воин, особенно когда за мной вечно наблюдает кто-то вроде Айдена.

Идея вспыхивает в сознании, и то, насколько простой и очевидной она оказывается, заставляет меня широко улыбнуться. Она вряд ли положит конец издевательствам, но как же сладка будет такая месть...

Айден кидает на меня долгий взгляд, будто бы понимая, что *такая* моя улыбка не сулит ничего хорошего. Мне даже хочется утешить телохранителя – сегодня не его судный день.

– Сверни на шоссе, – прошу я, сдерживая нетерпение. – Заедем в мастерскую, ненадолго. Для этой затеи нужны мои ребята.

Выслушав мой краткий рассказ, Джексон скептически хмурится. Лиам же, наоборот, одобрительно посвистывает и хлопает меня по плечу.

– Вот это уже по-нашему.

– Такое дело может выйти боком, – покачивает головой Джексон. – В том числе и для Питера. Если Нейтан никак не причастен, получится, мы нападём просто так.

– Просто так? Поверь, у Пирса с его отбросами огромный послужной список, – горячо выпаливаю я. – Ты думаешь, Питер – единственный, кого они травят? Ничего не будет просто так, даже если Пит избегает не их. Уроды должны получать по заслугам.

С лица Джексона не сходит отражение сомнений и тревоги. Я не ожидала, что главным противником моей затеи будет именно он. В отчаянии оборачиваюсь на остальных ребят, и в этой компании мучительно не хватает Пита. Вот уж кто всегда поддерживал любую мою инициативу.

– Напомните, с каких это пор мы не стоим за своих? – напряженно спрашиваю я.

Парни делятся на два лагеря: Ноа и Джексон – против, Лиам и Лео – горячо за. А Айден... ну, что Айден. Стоит в стороне, внимательно наблюдает за мной. Мне даже становится интересно: что он вообще думает обо всем этом? Остается только догадываться, ведь мистер-молчание скорее костью прямо здесь ляжет, чем станет похож на живого человека.

Джексон тяжело вздыхает. В задумчивости он переводит взгляд на ребят, а потом обратно на меня. В глазах его мелькает теплое, знакомое мне выражение, и оно, как ничто другое, дарит надежду.

– Даже если мы будем против, ты просто сделаешь это без нашего с Ноа участия. А Лиаму и Лео я тебя не доверю. Поэтому пойдем все вместе.

Облегчение освобождает мои плечи от напряжения.

– Кстати, а как же твой цербер? – Лиам лениво кивает в сторону Айдена. – Он нас копам-то не сдаст, как грозился?

О, на этот вопрос у меня подготовлен занятный ответ. Губы сами собой изгибаются в улыбке, особенно когда я замечаю, как напрягается телохранитель.

– Айден против того, чтобы конкретно *вы* втягивали меня в неприятности, – протягиваю я и поворачиваюсь лицом к мужчине. – Но он ничего не говорил про те, что организованы *мною*.

Едва заметный прищур глаз – весь его ответ.

Я улыбаюсь, пока ребята расходятся по мастерской, начав сборы. Оружием для нашего сегодняшнего дела становятся вещи, к которым мы все привыкли больше, чем к чему-либо еще: баллончики с красками, старые хозяйственные ножи, молотки для кузовных работ, бейсбольные биты, гвозди и гаечные ключи.

Когда вся команда оказывается в сборе, Лиам широко улыбается, расслабленно подбрасывает баллончик с ярко-красной краской и протягивает:

– Сделаем убудкам тюнинг их любимых корыт?

* * *

– Похоже, этот парень сильно насолил тебе.

Айден разговаривает так редко, что каждый раз от его слов у меня кровь стынет в жилах. Я перестаю следить за дорогой и поворачиваю голову к телохранителю.

– Кто? – глупо переспрашиваю я и тут же соображаю: – А, Нейт? Ну, можно и так сказать.

Только это не совсем правда. Нейтан Пирс ничего крайне плохого мне не делал. Точнее... не конкретно он.

– Почему ты никак не можешь оставить его в покое и не влипать в неприятности?

– Я уже говорила. Он в ответе за издевательства над Питером. А Пит часть моей команды.

На этот раз Айден молчит так долго, что я уже ставлю мысленную точку в нашем спонтанном разговоре. Однако спустя некоторое время он тихо говорит:

– Звучит благородно. Но выглядит так, будто бы за мстостью этому парню ты скрываешь какой-то собственный вызов.

И снова долгое молчание. Не хочу спорить, да и банально не знаю, что отвечать. От мысленного разговора с самой собой тоже сбегая и смотрю в зеркало заднего вида, проверяя, не слишком ли от нас отстали ребята. За BMW Айдена следует внедорожник Джексона, в котором располагаются и остальные.

– Надеюсь, ты понимаешь, что участвовать в этом ты не будешь, – произносит вдруг телохранитель.

Звучит так, словно именно это я и должна сделать. Я давлюсь хохотком и серьезно отвечаю:

– Конечно.

Давай, милый Айден, расскажи моему отцу, что я ввязываюсь в сомнительные и не совсем легальные дела. А заодно поведай, что ты сам едешь со мной в заброшенную мастерскую к парням, о которых мой отец ничего не знает. Хотя именно от тебя он должен был получить четкий доклад на каждого из них с заранее раскопанной биографией. Я бы посмотрела на папину реакцию, раскройся вся эта интереснейшая история. Думаю, Айден понимает, в какой невыгодной ситуации он оказался по собственному желанию. В какой-то момент мне даже становится стыдно: я так нагло пользуюсь ситуацией, что, пожалуй, заслуживаю звания стервы.

Но это того стоит. Мне *необходимо* это сделать.

Мы останавливаемся возле въезда на территорию университета. Здесь оставляем машины – чтобы их номера не попали на камеры видеонаблюдения. Я натягиваю на лицо бандану, закрывающую все ниже глаз. На голову нацепляю старую черную бейсболку, накидываю на плечи бесформенную толстовку, позаимствованную из мастерской. Кидаю на Айдена напряженный взгляд.

– Либо прикрой лицо, либо оставайся в машине, – предупреждаю я.

– Нет необходимости, – безмятежно отзывается Айден. – Мы с тобой будем держаться в стороне.

Я стискиваю зубы. По-хорошему, он прав. Я действительно должна остаться в стороне и дать ребятам исполнить мою затею. Совсем не важно, буду ли я участвовать сама. Стоит придерживаться голоса рассудка. Но я не смогу. Я отчетливо понимаю это, когда мы проникаем на территорию парковки, а мой взгляд приковывается к машине Нейтана.

Не новый, но все еще достойно выглядящий Porsche 911. Белоснежный, блестящий, он слепит глаза. Безвкусовые голубые полосы на капоте и крыше уходят на задний бампер. Я даже не обращаю внимания на безликие седаны, стоящие рядом – машины прихвостней Пирса.

За спиной стоит моя команда. И пусть в ней появилась лишняя и довольно странная фигура, я давно не испытывала такого ощущения единства и поддержки.

Меня переполняет предвкушение возмездия. Но на этот раз начало цепочки кроется не в страхе.

Оно кроется в боли.

В обиде.

В отчаянии.

Сундук с этими чувствами похоронен в глубине моего сознания. Он закован толстыми цепями так, что даже я не осознаю, что Нейтан Пирс не имеет к этому никакого отношения. Я собираюсь отомстить невиновному. На его месте мог быть кто угодно, но сознание умело прячет от меня эту простую истину.

– Возьми-ка.

Голос Лиама вырывает меня из мыслей. Поворачиваю голову к парню, пока он вкладывает в мою ладонь длинный гвоздь. Только сейчас я запоздало ловлю себя на том, как хаотично мое дыхание. Испугавшись, что неподконтрольные эмоции видны другим, тут же беру себя в руки. Крепко сжимаю в ладони свое оружие, словно это не простой гвоздь, а по меньшей мере легендарный меч.

Когда ребята устремляются к машине Нейтана, я оборачиваюсь на Айдена. Наши взгляды сталкиваются: его – пристальный, напряженный, и мой – вызывающий, отчаянный и упрямый.

«Давай, – отражается в моих глазах. – Попробуй остановить меня». Я готова к сражению. Неважно, с кем.

Но Айден делает то, к чему я не была готова. Он просто отводит глаза. Сдается? Принимает мою сторону. А потом просто разворачивается и встает к нам спиной, начав наблюдать за окружением. Пока парковка пуста – но время на исходе, скоро могут появиться студенты. Айден наверняка предупредит нас заранее.

Мое сердце бешено бьется в грудной клетке, пока я, окаменев, смотрю телохранителю в спину. Он не стал спорить со мной. Не стал насильно тащить к машине, не стал говорить, что я совершаю ошибку. Хотя это очевидно так. Почему он решил бороться не *против* меня, а *вместе* со мной?

Тихое шипение баллончиков краски заставляет меня повернуться обратно к ребятам. Они уже приступили к работе. Быстрыми мазками Лиам выводит похабный рисунок прямо на крыле спорткара. В это время Ноа методично прокалывает шины двум ближайшим автомобилям. Лео подкладывает под дворники машин листовки с рекламой ближайшей автосвалки: «Металлолом – дорого!» Джексон легко, почти играючи наносит первый удар бейсбольной битой – прямо по зеркалу бокового вида. Бандана скрывает его лицо, но серая толстовка и черная джинсовка остаются все теми же. В университете ребят никто не знает, а вот мне стоило бы скрываться получше.

Я сжимаю в ладони уже нагретый гвоздь. Быстро подхожу к капоту и грубыми, сильными движениями наношу лаконичное послание, придуманное всего секундой ранее.

«*В следующий раз будет огонь*».

* * *

– Почему?

Этот вопрос срывается с губ тихим выдохом, как только я сажусь обратно в машину Айдена. Он не смотрит на меня, поглощенный тем, чтобы как можно быстрее покинуть парковку. Визжат шины, и серая BMW устремляется вслед за внедорожником прочь.

– Почему я нарушил протокол? – задумчиво уточняет Айден, слегка расслабившись. – Сложный вопрос. Я увидел, насколько это важно для тебя.

Мужчина поглядывает в зеркало заднего вида. Убедившись в отсутствии погони, он бегло окидывает меня взглядом.

– Подумал, так я помогу тебе больше, чем если вмешаюсь. В прошлый раз получилось паршиво. В конце концов, моя главная задача звучала как оберегать, а не как наставлять на путь истинный. Я же не полицейский. И не священник.

– Значит, ты пойдешь со мной, даже если я решу ограбить банк? – вырывается у меня нервным смешком.

– В пределах разумного, Шелл. Я все еще не поддерживаю то, чем вы занимаетесь.

Порча чужого имущества немногим отличается от ограбления. Всего лишь продолжительностью тюремного срока. Однако сегодня, вопреки всем ожиданиям, Айден был с нами, а не против нас. А для меня это значит очень многое. Поэтому, набрав в грудь побольше воздуха, я выдаю тихое:

– Спасибо.

Глава 12. После огня

– Порча чужого имущества?!

Последствия моей идеи настигают меня спустя всего два дня. Отец мечется по обеденному залу, как зверь по клетке. И даже его неспешные шаги кажутся мне слишком громкими. Сердце бешено колотится, и я не хочу признаваться себе в том, что боюсь папу.

Айден стоит прямо за моей спиной. Его присутствие дарит ощущение относительной безопасности, хотя я очень сильно сомневаюсь, что телохранитель вправе вмешиваться сейчас. Тихо сижу за столом, понимая, что должна вытерпеть абсолютно заслуженное наказание.

Впрочем, я ни о чем не жалею.

– Ты хоть знаешь, что я выслушал от этой истерички из администрации? – сокрушается отец, и я даже испытываю к нему долю сочувствия.

Беседы с миссис Ларк, социальным педагогом и по совместительству главой университетской администрации, – та еще мука. Особенно для человека, который не привык выслушивать осуждения со стороны других людей.

– Как они узнали меня? – осторожно спрашиваю я.

Отец резко разворачивается. Его гневный взгляд пригвозждает меня к стулу.

– Тебя только *это* волнует, серьезно? Камеры, Шелл! По ним тебя опознал владелец машины, которую ты испортила вместе с кучкой неизвестных.

Несмотря на волнение, я едва прячу ядовитую улыбку. Представляю, как Нейтан – надеюсь, в слезах, – требует декана показать записи с камер видеонаблюдения, просматривает минуту за минутой, пока с пеной у рта не начинает доказывать, что знает одну из виновных. Надеюсь, Нейтан Пирс познал отчаяние.

Тем временем папа переводит такой же пылающий взгляд куда-то поверх моей головы.

– А ты, идиот, где в это время был?!

Я едва сдерживаюсь, чтобы не повернуться и не обменяться взглядами с Айденом. Судя по всему, на камерах его видно не было, телохранитель держался вне радиуса их действия. Умно, даже не удивительно. Впрочем, это не спасает его от прямого вопроса, соврать он не имеет права.

Зато имею я.

– Я сбежала, – отвечаю быстрее, чем он успевает открыть рот.

Суровый взгляд отца возвращается ко мне. Чувствую это едва ли не всем своим существом, но, несмотря на сжимающий горло страх, поднимаю голову и смотрю папе прямо в глаза.

– Сбежала от своей охраны, набрала какую-то шайку, испортила чужую машину, сбежала с места преступления, – гневно перечисляет папа. – Чтобы успокоить родителей этого парня и замять дело в университете, мне пришлось отдать крупную сумму. Зачем ты в это ввязалась, Шелл? Я не ожидал от тебя такой глупости.

Презрение, сквозящее во взгляде папы, ранит меня куда сильнее, нежели его гнев. Меня начинает захлестывать отчаяние.

– Глупости? – переспрашиваю я на выдохе. – Ты бы знал...

– Я не хочу ничего знать! Я не хочу, чтобы моя дочь прославилась уличной хулиганкой в двадцать один год. Что за поведение в таком возрасте?

Обида, чувство несправедливости и вины смешиваются с яростью. Опасный коктейль затуманивает мой разум, слова вырываются изо рта быстрее, чем я успеваю их обдумать:

– Зато у тебя есть шанс наверстать упущенные годы воспитания, только вот с таким подходом ты с этим не справишься.

Пока отец, явно не ожидавший подобной дерзости, прожигает меня взглядом, я резко встаю из-за стола. Громко скрипит стул, а после наклоняется назад, рискуя с грохотом упасть,

однако ожидаемого шума не следует. Айден успевает подхватить ни в чем не повинный предмет мебели за спинку и аккуратно отставить в сторону. Я выдерживаю взгляд отца только потому, что нахожусь в этом зале не одна.

– Скажи мне, как нужно было поступать, – отчеканиваю я, смотря ему в глаза. – Расскажи, как нужно было решать дела с человеком, который травит моего лучшего друга, никого ни во что не ставит, будто весь этот мир крутится вокруг него? Расскажи, какую политику мне стоило избрать против придурка, который понимает только язык таких же идиотских поступков, которые совершает сам?

Я выпаливаю эти слова, а мой голос предательски дрожит. Наверное, отец видит слезы, едва удерживаемые мной в уголках глаз. Отчего-то его плечи опускаются, папа смотрит мне в глаза и молчит. Ответить ему нечего.

Мне срочно нужно выпустить пар. События последней недели будто бы скрутили в тугой комок все мои нервы, а это состояние приносит нескончаемый дискомфорт. Самое страшное вроде бы осталось позади, но тело все еще сжато напряжением, как амортизирующая пружина.

Поэтому, направившись прочь из обеденного зала, я прохожу мимо лестницы на второй этаж и быстрым шагом направляюсь к выходу во внутренний двор. Оказавшись на улице, жадно вдыхаю прохладный воздух и разжимаю добела стиснутые кулаки. Под ногами мягкий песок вперемешку с редкими островками травы – лучше и не придумать. Я разворачиваюсь к Айдену, неизменно следующему за мной, и выпаливаю:

– Ты же знаешь какие-нибудь основы самообороны?

Только озвучив этот вопрос, я понимаю, насколько нелепо он звучит. Стоило сформулировать иначе: ты знаешь именно *основы*, а не сложные профессиональные элементы?

В его взгляде я замечаю отголосок удивления. Наверное. Мне все еще трудно различить, какие эмоции я трактую верно, а какие додумываю.

– И не только основы. Почему ты спрашиваешь?

– Научи меня.

Вот теперь удивление в его взгляде точно настоящее.

– Ты уверена?

– Да. В конце концов, лишними такие навыки точно не будут. Как там это делается? – я выставляю вперед слегка сжатые кулаки. – Что-то такое?

Пытаюсь слегка стукнуть Айдена в плечо, но он уворачивается легким поворотом корпуса. Я неловко спотыкаюсь, и, пока восстанавливаю равновесие, телохранитель уже оказывается за моей спиной. В случае реальной драки я бы уже была в захвате. Но страха почему-то не испытываю. Предчувствие меня не подводит – никакого захвата не следует.

– Если желаешь изучить основы *самообороны*, – Айден делает акцент на последнем слове, – то запомни: никогда не пытайся напасть первой. А если хочешь научиться атаковать, развернись и пробуй.

Я медленно поворачиваюсь к нему лицом, раздумывая. Он выше меня почти на целую голову, а разница в мышечной массе и вовсе критична. Если бы драка между нами была настоящей, я бы никогда не смогла выйти из нее победителем. Но если откинуть голос рассудка... куда стоит атаковать в первую очередь?

Сгруппировавшись, я пытаюсь нанести несильный удар в район живота – таким приемам обучал меня в свое время Лиам.

Но Айден легко избегает соприкосновения, я даже не дотягиваюсь до его пиджака. То, как тихо, плавно и легко он двигается, начинает злить. На его фоне я кажусь неуклюжим медвежонком, который только-только начал ходить. Пытаюсь ударить снова, и моя рука оказывается в аккуратном захвате.

Его пальцы оказываются теплыми. Не знаю, почему мое сознание выцепляет эту крохотную деталь и перестает фокусироваться на атаке. Я останавливаюсь, не зная, что делать дальше.

– Если поймали, – терпеливо поясняет Айден, – атакуй свободными конечностями не ту руку, которая тебя держит, а корпус. Чаще всего он в таком положении не защищен. Помни о болевых точках. Пах, солнечное сплетение. Второй вариант бесполезен, если противник в очень хорошей физической форме, мышцы его спасут. Если нет доступа к корпусу, бей по локтевым сгибам или носу. Ключицы и шея тоже слабые места, но их легко защитить.

Сконцентрировавшись, расслабляюсь. Из-за парадоксального отсутствия страха я в силах обдумать каждый свой следующий шаг. Ограничения по времени нет, Айден терпеливо ждет моего выпада. На выдохе я наношу резкий удар ребром ладони по сгибу его локтя. Сомневаюсь, что этой жалкой попытки достаточно, но Айден отпускает мое запястье.

А я продолжаю. Толкаю его плечом назад, наношу удар кулаком снизу, от которого телохранитель уворачивается, плавно уводя корпус в сторону.

– Хорошо, – одобрительно кивает он.

Почему-то я улыбаюсь. Разгоряченная кровь разливается по телу, согревая и прогоняя накопленное напряжение. Провожу еще несколько быстрых атак, а Айден, легко избегая их, подсказывает, в чем были ошибки и как сделать лучше. Я внимательно слушаю каждое слово и почти сразу же повторяю удары по воздуху, прислушиваясь к его замечаниям. Меня опьяняет адреналин и ощущение, будто бы я что-то могу.

Ровно до того момента, пока Айден, избежав очередной атаки, не оказывается у меня за спиной и не берет в захват. Вся эйфория бесследно исчезает. Ее место занимает парализующая вспышка страха. Я не поддаюсь ему целиком всего лишь из-за одной детали: отсутствие боли. То, насколько осторожен Айден, сбивает с толку и меня, и мой страх. Его руки крепко удерживают меня со спины, блокируя почти все, кроме ног, но при этом не давят на шею и грудь. Спиной я чувствую два ремешка от его портупеи для пистолета.

– Один из немногих способов выйти из захвата – это рывок корпусом вниз, – безмятежно поясняет телохранитель. – Но здесь нужны и сила, и правильный момент. Повезет, если противник хватает не за шею. Там будет всего несколько секунд, пока не потеряешь сознание. Но и без этого никто не дает гарантий, что рывок сработает. Пробуй.

Я зажмуриваюсь и со всей силы подаюсь вперед, пытаюсь вырваться. Но Айден даже не двигается с места – он чертовски силен. Скорее ощущаю, чем вижу, как он покачивает головой и поправляет:

– Наклон больше вниз, так противнику тяжелее устоять на ногах. Сгруппируйся. Сосредоточь в рывке всю силу, упор на слегка согнутых ногах.

Встряхнув головой, я концентрируюсь только на управлении своим телом. Это труднее, чем кажется. Правильно распределить силу, сгруппировать нужные мышцы и не растратить на это большую часть сил – та еще задача.

Новый, как казалось, правильный рывок также не приводит к освобождению. Айден лишь слегка переступает на месте, удобнее перехватывая меня. Да как это нужно сделать? Какой силой мне нужно обладать? От безысходности я сдаюсь, бросив попытки сопротивляться.

– Пробуй, – непреклонно повторяет Айден.

– Да как?

– Пробуй, пока не получится.

Я брыкаюсь, извиваюсь, пытаюсь рваться и вперед, и вниз, растрчивая драгоценные силы и сбивая дыхание. Осознание собственной слабости вгоняет в отчаяние. Появляется даже шальная мысль укусить Айдена за руку, но даже для этого придется постараться, дабы дотянуться до его кожи. Предусмотрительно.

Пробую снова, снова и снова и с каждым моим остервенелым рывком я будто бы пытаюсь освободиться не столь от мягкого захвата Айдена, сколько от... себя самой. От клетки,

в которую закован мой рассудок. От эмоций, которые варятся где-то там, глубоко, близко к цепям, касаться которых запрещено. Особенно мне.

Повинуясь внутреннему порыву и инстинкту, я прекращаю прежние попытки, набираю в грудь побольше воздуха и совершаю рывок назад. Айден оступается. В попытке сохранить равновесие он ослабевает хватку, и я тут же подаюсь вниз и выворачиваюсь, наконец-то освобождаясь от его захвата.

Мы оказываемся лицом к лицу: я, тяжело дыша, и он в своем прежнем безмятежном спокойствии – лишь поправляет пиджак и медленно кивает.

– Неплохо.

Между нами повисает молчание. Я не спешу продолжать тренировку, восстанавливая силы и успокаивая сердцебиение, а Айден кажется мне даже задумчивым.

– Я должен поблагодарить тебя, – произносит он вдруг и смотрит мне в глаза. – За то, что прикрыла меня перед мистером Мэйджерсоном. Я не мог соврать.

Молчу, растерянная от неожиданной благодарности.

– Но это в любом случае мой промах, – продолжает Айден. – Я нарушил протокол, каковы бы не были причины. В следующий раз не стоит меня выгораживать.

С губ едва ли не срывается вопрос: значит, следующий раз будет? Но вместо этого я бурчу:

– Возвращайся в стойку.

Глава 13. Омут

Следующим вечером, без всякого предупреждения, к нам приезжает Саманта. Ну, как «к нам»? Конкретно ко мне.

Сегодня Сэм особенно прекрасна: длинные волосы заколоты в тугий узел на затылке, глаза ярко и изящно подведены, на губах уложена темная матовая помада, а тон лица кажется вовсе идеальным. И, едва переступив порог комнаты, она заявляет:

– Собирайся. Едем в бар.

После секундного замешательства я почти в ужасе выпаливаю:

– Ну уж нет!

– Ну уж да, – парирует Сэм и упирает руки в бока. – Знаешь, каких трудов мне стоило опросить тебя у Артура?

Сэм нараспашку открывает мой шкаф с одеждой и начинает методично перебирать вещи. Наконец, наткнувшись на серебристое короткое узкое платье, она с широкой улыбкой достает его из шкафа и протягивает мне. Заметив на моем лице отражение охватившей меня паники, Саманта в удивлении приподнимает брови.

– Да что с тобой, в конце концов? Мы едем веселиться, а не убивать кого-то.

– Я... как бы это... – Вдохнув, признаю: – Тусовки – это не совсем мое.

– Отлично. Значит, сегодня мы победим один из твоих страхов.

Как точно подмечено... Я долго молчу, смотря то на Сэм, то куда-то сквозь нее. А потом беру чертово серебристое платье и киваю.

Сэм помогает мне с макияжем. Приводит мои волосы в относительно порядочный вид, заставляет надеть туфли на каблуке и едва ли не силком направляет меня к выходу из комнаты. В коридоре мы сталкиваемся с Айденом. Пока Сэм сообщает ему наши планы, в которые телохранитель включен по умолчанию, он не сводит с меня внимательного взгляда. Такого же, как и всегда. Только почему-то на этот раз более напряженного.

Когда мы втроем спускаемся в гараж, Сэм восхищенно присвистывает, когда Айден достает ключи от своей машины. Девушка наклоняется к моему уху и тихо подмечает:

– Она идеально сегодня тебе подходит.

Серое с серым. Серебро с мокрым асфальтом. Вот только скорее это я удачно подхожу в комплект этой машине, а не она мне.

Мы с Сэм садимся на задние сиденья. Только покидая территорию дома, я окончательно осознаю, на что только что подписалась. Как бы желание бросить вызов самой себе не привело меня к еще большим проблемам...

Дорога кажется слишком долгой. На улице сгущаются сумерки, но яркие огни Сиэтла разгоняют темноту. Я скольжу взглядом по бесчисленным неоновым вывескам, ярким витринам и окнам, в которых теплится свет. Мы проезжаем мимо знаменитых синих деревьев. Невольно улыбаюсь, разглядывая инсталляцию. В ночном свете, окрашенные в глубокий синий цвет, деревья кажутся чем-то чужеродным, не из нашего мира. Я провожу невеселую параллель со своим собственным мироощущением и отрываю взгляд от окна.

Айден останавливается возле адреса, названного Самантой. Мрачно поглядываю на яркую золотистую вывеску бара и подмечаю огромную толпу людей, ожидающих у входа. Я знала, что желающих посетить заведение будет много, но все равно неосознанно напрягаюсь.

От внезапного смеха Сэм я недоуменно хмурюсь. Девушка переводит дух и поясняет:

– Вы сейчас оба выглядите абсолютно одинаково. Пошли, мрачные!

Я неосознанно кошусь на Айдена, но выражение его лица увидеть не успеваю – он уже выходит из машины.

Пока мы идем к бару, я старательно смотрю себе под ноги. Отчасти ради того, чтобы не повернуться на высоких каблуках, но в основном потому, что я вовсе не хочу знать, в чью сторону направлен свист – он раздастся, когда мы пройдем мимо двух мужчин в очереди. Ощущение покалывания во всем теле превращает меня в дикобраза, готовящегося защищаться от незваных хищников. Я бросаю быстрый взгляд на Сэм. Она уверенно идет впереди, с идеальной осанкой, приподнятой головой, будто бы вовсе не обращает внимания ни на кого вокруг.

Грохот музыки обрушивается на меня, едва мы спускаемся в помещение бара. Нас окружают разгоряченные тела, сладковатый запах алкогольных коктейлей и нотки пота. Яркое освещение ритмично меняется в такт музыке, при этом само помещение остается в объятиях полумрака. Танцпол полон людей, но некоторые столики у стен все еще свободны. К моему облегчению, мы сразу же занимаем один из них. Сэм быстро ориентируется в обстановке и ухитряется быстро протиснуться к бару, дабы заказать нам напитки. Я остаюсь за столиком одна, если не считать Айдена, оставшегося чуть в стороне.

Мои руки сцепляются в замок. Настороженный взгляд изучает толпу. Когда я уже с надеждой поглядываю в сторону барной стойки, к столику подходит небольшая компания: девушка и трое парней, явно знакомых друг с другом. Я сдерживаюсь от того, чтобы встать и позорно ретироваться, освобождая им столик. Однако все оказывается намного хуже: ребята пришли не за тем, чтобы отбить уютное место, а чтобы познакомиться.

Девушка в их компании кажется мне главной – это немного успокаивает. Низкая, с темно-рыжей косой через плечо, она кажется самым безопасным объектом в этом чертовом баре. Пожалуй, после Айдена. Я даже не слышу, что она говорит. Музыка грохочет вокруг, но моему слуху мешает грохот собственного сердца.

– Привет? – Девушка слегка растерянно улыбается. Кажется, она повторяет это слово уже не в первый раз, с каждым разом все громче. – Можно присесть рядом?

Я спешно киваю и отодвигаюсь к самому краю диванчика. Компания рассаживается за столом, но место для Сэм еще остается. Ребята живо общаются между собой, перекрикивая музыку, а девушка не оставляет попыток познакомиться со мной. К счастью, ближе всех ко мне оказывается именно она.

Один из парней смотрит на меня. Внезапно я нахожу себя до безобразного неуместной – в этом узком тонком платье, в кругу этих людей, в этом баре, в этом городе вообще. Я делаю вид, что занята важной перепиской в телефоне. На самом же деле бездумно листаю ленту социальной сети, даже не всматриваясь в картинки.

Сэм наконец возвращается. Она свободно приветствует незнакомцев и заводит с ними легкую беседу, периодически втягивая в нее и меня. Я во все глаза наблюдаю за тем, как Сэм быстро знакомится с ребятами и смеется так, будто бы давно является частью их компании. Она кажется такой естественной... Такой спокойной. Раскованной.

Такой... настоящей. Правильной. Живой.

Да, можно сослаться на то, что она экстраверт. Но я знаю, что дело далеко не только в этом. Никакой тип личности не отделяет меня от статуса нормального человека так, как это делают мои собственные барьеры, ловушки и окопы, среди которых я надежно спряталась. Так надежно, что и сама не представляю, как из этого всего выбраться. И главное – хочу ли я этого вообще.

Сэм предлагает мне один из принесенных коктейлей, и я, даже не понюхав, делаю несколько глотков. Тут же морщусь от резкой горечи, но не перестаю пить. Отчаянно надеюсь, что алкоголь поможет мне влиться в компанию. Один из парней продолжает наблюдать за мной, и я, бросив вызов скорее себе, чем ему, неумело улыбаюсь. Парень беззвучно усмехается, но не разрывает зрительного контакта.

Я толком и не запоминаю его внешности. Типичный красавчик: медные, чуть волнистые волосы, тонкий изгиб губ, высокий светлый лоб. Глубокий, пронзительный взгляд темных глаз.

Мне он не нравится.

Парень задумчиво прокручивает толстое серебряное кольцо на пальце. У него худые и длинные руки – как у музыканта. Двое остальных поглощены общением с Сэм, и я не понимаю, почему именно этот юноша смотрит на меня. Взгляд его открытый и даже добрый, но все равно напрягает. В какой-то момент он подсаживается ко мне, поменявшись местами с рыжеволосой девушкой.

– Привет, – роняю я первое, что приходит в голову.

– И тебе привет, – смеется он и повышает голос, чтобы перебить музыку: – Хочешь еще выпить?

То ли из вежливости, то ли из желания скрасить неловкость алкоголем я все же утвердительно киваю. Парень исчезает в направлении барной стойки, а я понимаю, что даже не спросила его имени.

Бегло оглядываюсь и нахожу Айдена. Он держится в стороне, возле стены, и в таком скудном освещении практически с ней сливается. Его взгляд прикован ко мне. Телохранитель мрачен, сосредоточен, а слегка приподнятая бровь будто бы задает вопрос: «Все нормально?»

Удивительно, как я научилась понимать такое «красноречие» человека, прикидывающегося камнем. Медленно киваю и сажусь ровно. Когда парень-у-которого-я-забыла-спросить-имя возвращается, я пью один коктейль за другим. Напитки чудовищно резкие на запах и горькие на вкус, но я насильно заливаю их в себя, надеясь опьянеть. Сегодня мне это очень нужно.

Не так уж здесь и плохо. Не так уж мне и страшно. И компания эта милая. И люди вокруг. В самом деле не испытываю такого дискомфорта, как раньше. Я не лишняя здесь. *Правда же?*

Стараюсь убедить себя в лучшем и не думать ни о чем другом. Глоток за глотком, вкусы сменяют друг друга. Пытаюсь повернуть голову и найти взглядом Айдена, но перед глазами остается лишь причудливый танец света, чужих лиц и тел. Я почти залпом допиваю остаток последнего коктейля.

Имя того парня – Уильям. Это все, что запоминаю из бесед. Кажется, я назвала и свое имя, на что ребята принялись шутить. Шелл? Прямо как ракушка? Или как компания запра-вочных станций? Почему именно Шелл? Это полное имя? Или есть «Шелла», «Шаннель»?

Лучше бы я молчала.

В какой-то момент Сэм оказывается рядом со мной. Куда подевался Уильям? Он же сидел на ее месте... А, впрочем, неважно. В голове царит спасительная легкость, пустота и сонливость. Мне становится так тяжело думать, что я даже не ощущаю прежнего напряжения.

– Ты хоть ешь что-нибудь! – настоятельно требует Сэм.

Провожу туманным взглядом по закускам, которыми оказывается полон стол. Тянусь к тарелке с какими-то мелкими роллами и беру один руками. К черту палочки, сейчас бы с пальцами разобраться.

Язык онемел от количества едкого алкоголя. Прожевывая ролл, толком не чувствую ни вкуса, ни консистенции. Фокусирую взгляд на Сэм и замечаю тревогу, с которой она приглядывает за мной. Интересно, жалеет ли Саманта о том, что мы пришли сюда вместе?

Краем глаза замечаю, как один из парней поднимается вместе с рыжеволосой девушкой и ведет ее на танцпол, прямо в гущу толпы. Сэм лучезарно улыбается еще одному, когда тот приглашает ее туда же. Уильям же вопросительно поглядывает на меня, подсаживается ближе и наклоняется к моему уху:

– Потанцуем?

Я усилием воли поднимаю голову и рассматриваю его мягкий, объятый легким опьянением взгляд. Уильям не вызывает подозрений или опасений, но мое проклятое сердце колотится о ребра, отбивая тревожный, испуганный ритм.

К черту.

– Да.

Да, я пойду с ним танцевать. Не умея абсолютно ничего из того, что мне предстоит делать. Плевать. Могу позволить себе потанцевать с парнем, которого совсем не знаю. И, возможно, это исправить.

Когда я встаю на ноги, появляется такое чувство, будто бы их подменили на деревянные ходули. Цепляюсь за любезно предложенную руку Уильяма и позволяю ему вести нас в гущу толпы. Он ловко лавирует между танцующими парочками и приводит нас в сердце танцпола, где ослепительный яркий свет то и дело сменяется темнотой.

Меня начинает мутить. В голове поразительно пусто, тело кажется мягким, невесомым, будто стоит лишь оттолкнуться от пола – и я взлечу. Мой взгляд сам собой ищет мужчину в неуместном черном костюме. Но Айдена я так и не вижу – перед глазами кружит, кружит и кружит бесконечная череда незнакомых лиц, освещенных яркими прожекторами. Пытаюсь влиться в танец, слежу за движениями других людей, но никак не могу подстроиться.

Мне становится душно, в помещении явно не хватает кондиционеров. Картинка перед глазами кажется обрывочной, размытой и какой-то ненастоящей, больше похожей на лихорадочный бред, чем на реальность.

Руки Уильяма придерживают меня, а его тело повторяет мой неумелый танец. В какой-то момент юноша оказывается за моей спиной и слегка прижимает к себе, продолжая танцевать. На секунду я рада долгожданной опоре, на которую могу перенести хотя бы часть веса – тело снова кажется свинцовым.

А потом аварийные реакции моего сознания наконец-то прорываются через опьянение. Я судорожно пытаюсь вдохнуть, сбившись с ритма.

– Все нормально? – Уильяму приходится почти кричать мне на ухо, чтобы перебить грохот музыки.

Ответить я не успеваю – к нам, хохоча, пробирается Сэм вместе с парнем из той же компании. Девушка хватается за руки и начинает кружить на танцполе. Она так весела, так свободна и раскована, что я наверняка бы ощутила укол белой зависти, если бы на меня не навалилась новая волна тошноты. Я сдерживаю позывы и обещаю себе как можно скорее найти барную стойку и попросить воды.

– Слушай! – Сэм наклоняется ближе ко мне. – Ребята пригласили меня поехать с ними в другой бар... Я сразу сказала, что мы с тобой вдвоем, но ты такое зараз не осилишь. Ничего? Твой телохранитель ведь на машине. Справишься, когда захочешь уйти?

Я едва понимаю, что вообще она говорит. Мысленно раз за разом повторяю про себя услышанные слова, но смысл ускользает. Сэм перестает улыбаться и с тревогой смотрит на меня. Я понимаю, что ей хочется уехать с компанией. Но в то же время она побаивается оставить меня.

А еще я вижу, что Сэм в своей тарелке и эти ребята ей нравятся. Возможно, я становлюсь свидетелем появления ее новых лучших друзей. Как Сэм это делает?..

– Все хорошо, – выдавливаю с трудом, поскольку испытываю трудности в формулировании слов и словосочетаний.

– Уверена? – уточняет она, внимательно смотря мне в глаза.

Я киваю несколько раз, и Сэм нехотя принимает решение уйти.

– Я обязательно напишу тебе, как все прошло, – обещает она, поправляя лямку моего платья. – И ты тоже со связи не пропадай, ладно? А то ведь мне влетит, если что.

Я продолжаю кивать, даже не зная, зачем. Внезапно осознаю, что остаюсь на танцполе в одиночестве – если не считать почти сотню людей вокруг. Спихватившись, раскрываю рот, пытаюсь позвать Сэм или Уильяма, но их уже нет рядом. Я слепо оглядываюсь вокруг, но никого знакомого при этом не вижу.

Страх. Сначала он подступает незаметно – топчется на грани сознания, вгоняя в смятение и лишая понимания происходящего. А потом вдруг обрушивается молотом и вышибает из грудной клетки весь воздух.

На этот раз страх пришел не один. Сегодня он явился ко мне в компании с той самой чертовщиной, о которой я уже успела забыть. Не хочу и не могу даже в собственном сознании называть это «приступом». Это слово – клеймо, делающее меня больным, слабым человеком, а это ощущение я ненавижу сильнее всего.

Перед глазами появляется первая волна темноты. Музыка приглушается, в ушах появляется звон. К кончикам пальцев подступают толпы противных мурашек, руки начинают покалывать, будто я их отлежала обе разом.

Нужно найти туалет, просто переждать. Нет таких слов, которые позволили бы мне всецело описать, как сильно я ненавижу происходящее. И какое чувство вины я испытываю только за сам факт того, что это есть.

Айден. Мой взгляд судорожно изучает толпу, пытаюсь выцепить из нее всего одного человека. Не представляю, как среди массы людей в яркой и вызывающей одежде можно потерять человека в чертовом черном костюме.

Нужно найти туалет. Потом все остальное.

Я неуклюже пробираюсь сквозь толпу. Сталкиваюсь с танцующими телами, спотыкаюсь – людей вокруг слишком много. Окружение начинает опасно раскачиваться вокруг меня, а ощущение равновесия и ориентации в пространстве стремительно ускользает. Страх прилипает ко мне второй кожей и вгоняет в крупную, лихорадочную дрожь.

Заприметив ярко-зеленую вывеску WC, я делаю последний рывок и ковыляю к двери с изображением танцующего женского силуэта. Вваливаюсь в крохотную комнатку с раковиной и двумя кабинками. Здесь я оказываюсь одна.

Прохлада от кондиционера заставляет меня жадно схватить ртом воздух, не обращая внимания на противный смрад. Я опираюсь руками о раковину и включаю холодную воду. Опускаю под нее трясущиеся руки. Перед глазами прокатывается вторая волна темноты. Виски ломит, затылок и шея начинают неметь вслед за руками.

Я не сразу понимаю, что горло сдавливают слезами. Резко поднимаю взгляд к зеркалу и пристально смотрю себе в глаза, не обращая внимания на то, как плывет картинка.

Никаких слез, Шелл Мэйджерсон. Никаких. Слез.

Умываюсь ледяной водой, наплевав на макияж.

Внезапно дверь позади меня распахивается. Я успеваю пережить вспышку ужаса, заметив высокий мужской силуэт. Резко разворачиваюсь еще прежде, чем наконец понимаю, *кого* вижу перед собой.

Айден.

От накатившей волны облегчения я слегка покачиваюсь. Телохранитель поддерживает меня под локоть, а потом... Не знаю, что вдруг происходит со мной потом. Понятия не имею, почему я поддаюсь порыву и крепко обнимаю Айдена. Вдыхаю легкий запах его парфюма, прислоняюсь щекой к ткани пиджака и ощущаю, как страх наконец отступает. Хотя бы на одно драгоценное мгновение.

А после я выдыхаю тихо:

– Увези меня отсюда. Пожалуйста.

Айден не шевелится. Застыв, он медленно опускает голову, чтобы взглянуть на меня. Я начинаю осознавать наше положение и тут же отступаю, глухо бурча извинение.

Он ничего не отвечает. Просто аккуратно берет меня за руку и выводит из туалета. Слепо следуя за ним, я поражаюсь, как легко он проходит сквозь толпу. Хотя с таким внушающим страх внешним видом... наверное, люди расступаются перед ним сами.

Прохлада улицы приятно остужает кожу, я даже успеваю понадеяться, будто бы смогу обойтись сегодня без полного позора. Но пока мы идем к машине, перед моими глазами прокатывается третья волна темноты. Последняя. Я даже не успеваю осознать, почему Айден вдруг останавливается и хватает меня уже обеими руками.

Мгновение – и вот я уже в машине, на задних сиденьях. Под моей головой лежит что-то мягкое и плотное одновременно. Только по прикосновению ткани к щеке я узнаю пиджак Айдена и тут же открываю глаза.

Сам он сидит за рулем. На нем белоснежная рубашка, в районе груди я замечаю ремни португали для оружия. Судя по всему, мы в пути уже какое-то время: городской пейзаж за окном успел смениться лесом. Айден ведет машину с ощутимым превышением скорости. Я глубоко вдыхаю и тут же сталкиваюсь с весьма серьезной проблемой.

С трудом приняв горизонтальное положение, я крепко сжимаю челюсть. Ужасный рвотный позыв скручивает органы не только в животе, но и будто бы во всем теле.

– Останови машину, – выдыхаю я с трудом, поскольку язык все еще деревянный, – если не хочешь потом убираться.

Айден кидает на меня быстрый взгляд через зеркало заднего вида и кивает. Сначала он перестает набирать скорость и только потом плавно жмет на педаль тормоза. Машина плавно останавливается на обочине, а времени у меня катастрофически мало.

Я путаюсь в собственных ногах. Шиплю и снимаю чертовы туфли, отбрасывая их в сторону, босиком выбираюсь из машины и тут же оборачиваюсь. Как я и предполагала, Айден намеревается идти за мной.

– Оставайся в машине! – рявкаю я грозно. В трезвом состоянии я подобрала бы более угрожающие аргументы, но не сейчас. – Ни шагу за мной.

Даже босиком мне все так же трудно идти. Не стоило мешать все эти коктейли... пусть первый, самый жесткий этап опьянения уже миновал, я понимаю, что моя глупость будет аукаться мне еще как минимум сутки.

Не успеваю дойти до ближайших деревьев или хотя бы кустов и просто наклоняюсь вперед посреди открытой местности. Как же мне плохо. Мне настолько плохо, что, если бы меня ударило прямо здесь какой-нибудь чертовой молнией, клянусь, я не была бы сильно против.

Когда меня наконец перестает выворачивать наизнанку, я выпрямляюсь и пытаюсь отдышаться. Надеюсь, что Айден имеет совесть не смотреть в мою сторону. Как же стыдно. Ужасно стыдно. За все, что было сегодня. За этот треклятый алкоголь, за мои барьеры, за этот мой... приступ. И в конце концов – за тошноту.

За меня саму вообще.

Когда я, ковыляя на неровной почве, возвращаюсь к машине, Айден все еще стоит возле водительской двери. Он подходит к переднему бамперу и кивает мне:

– Посиди. Подыши воздухом.

Я слишком вымотана, чтобы спорить, поэтому, преодолев еще несколько шагов, молча сажусь на капот. Машина все еще заведена, тихий рокот двигателя успокаивает. Краем глаза я вижу, как Айден открывает пассажирскую дверь, что-то достает, а секундой позже открывает бутылку воды и протягивает ее мне.

Как же это кстати. Я полощу рот, сплевываю, а затем жадно отпиваю несколько глотков. Айден присаживается на капот рядом со мной. Только сейчас я осознаю, как же сильно меня трясет – буквально колбасит. Похоже, он тоже это замечает, ибо тихо произносит:

– Похоже на алкогольное отравление. Зачем столько пить?

Мне нечего ему ответить. Пуститься в объяснения, что таким образом я пыталась ослабить прутья своей же собственной клетки? Смешно. Театрально. И горько.

Минутами позже вдалеке раздается низкий, гулкий звук. Я не сразу признаю в нем гром и опасно поглядываю на небо: с севера оно отчетливо черное.

– Скоро гроза. – Айден легким движением поднимается с капота и протягивает мне руку. – Поедем, пока не начался ливень.

В машине я засыпаю почти сразу же. Вымотанный организм наотрез отказывается внимать призывам хотя бы потерпеть до комнаты. Лишь однажды мне удается ненадолго прорваться сквозь дрему: когда меня вдруг поднимают с сиденья машины и куда-то аккуратно несут на руках. Кто? Куда? Почему?

Все равно. Мне так тепло и спокойно. Возможно, окутавшее меня ощущение полнейшей безопасности и покоя – ложное, но на этот раз я ему поддаюсь.

Над крышей дома раздается мощный раскат грома. Он вырывает меня из дремы, заставив вздрогнуть. Я испуганно приподнимаюсь на локтях, но опьянение вкупе с усталостью не позволяют мне даже толком сесть. Все, на что я способна, это лишь узнать свою кровать и комнату. Окно приоткрыто – потому раскаты грома так сильно слышны. Занавески едва покачиваются от поднимающегося ветра.

Айден стоит около стола и размешивает в стакане с водой какую-то растворимую таблетку. Возможно, от тошноты и подобных отравлений. Несколькими секундами позже он подходит к кровати и тихо произносит:

–пей. Надо.

Меня так мучает жажда, что даже если бы мне предложили сейчас прокисшее молоко, я бы все равно его выпила. Пока опустошаю стакан, Айден закрывает окно и поворачивается обратно ко мне. С трудом различаю его взгляд, но никак не могу понять, чем он наполнен.

–Теперь спи. Я останусь здесь.

Так и хочется спросить: все ли приказы он раздал? Но язык отказывается слушаться, и вместо слов я издаю какое-то тихое мычание, уткнувшись лицом в подушку.

Я останусь здесь. Почему-то эти его слова никак не выходят у меня из головы. Шум дождя кажется мне странно уютным, и я не напрягаюсь в ожидании раската грома, как это бывало раньше. Я слышу, как Айден садится в кресло возле электрического камина. Звуки присутствия телохранителя должны напрягать меня, но все совсем наоборот. Только напившись вдоволь, я разрешаю себе признать, что нахожу в этом человеке то, в чем страшно нуждаюсь.

Безопасность.

Глава 14. Ночь

Рыдания рвутся из горла, но я не могу выдавить из себя ни звука. Хватаю ртом воздух, словно рыба, выброшенная на берег. Истерзанная, дохлая тушка, пригодная только для падальщиков. Вот как я себя ощущаю.

Тишину разрывает оглушительный крик – но уже не мой. Этот почти нечеловеческий вопль полон ярости, жажды возмездия. Я едва узнаю голос своей матери, когда она совершает рывок. Из моего рта наконец вырывается испуганный возглас. Яркие обрывки событий мелькают перед глазами, будто бы сражаясь за мое внимание. Я крепко зажмуриваюсь, отказываясь заново проживать самый жестокий момент в жизни.

Стоп. Это все... *уже было*.

Это сон. Мне снова снится кошмар. Нужно просто проснуться. Вырваться из этой череды воспоминаний, звуков, образов, запахов... и страха.

Как же громко кричит мама.

– Шелл.

Череда образов замедляется, останавливается и вязнет. Этот голос точно не принадлежит моей матери. Он глубже, ниже, спокойнее. Он мужской.

– Тише. Проснись.

Я хватаю ртом воздух и резко открываю глаза. Тут же сажусь в кровати и едва не сталкиваюсь с тем, кто разбудил меня.

Айден медленно убирает ладонь с моего плеча. На его лице заметна тень усталости, глаза прищурены – видимо, он заснул прямо в кресле. Не сразу вспоминаю, почему Айден вообще здесь находится и почему на мне неудобное серебристое платье вместо пижамы. События минувшего вечера возвращаются ко мне медленно, неохотно. Давление в висках и тошнотворное ощущение растекаются по всему телу. С мучительным стоном я опускаю голову обратно на подушку и кутаюсь в одеяло с головой.

– Похоже, ночные клубы – это не для тебя, – тихим, немного хриплым ото сна голосом произносит Айден.

– Угу, – бурчу я, утыкаясь носом в подушку.

– Мне нужно идти. На столе еще одна таблетка, но последняя. Советую выпасться.

По тихим шагам я догадываюсь, что Айден возвращается к креслу, подбирает пиджак и покидает комнату. Дверь за собой он закрывает так же тихо, и ничто больше не напоминает о том, что он был здесь.

За окном занимается рассвет. Небо, подернутое пеленой перистых облаков, наливается светом и бледнеет, скрывая последние, самые яркие звезды. Меня утешает мысль, что там, где-то невообразимо далеко, эти звезды все равно продолжают сиять, излучая колоссальную энергию в пространство.

Я поворачиваюсь на спину, наблюдая за светлеющим кусочком неба, и перебираю в памяти вчерашние события. Со стыдом анализирую свои ошибки, продумываю, как могла бы поступить, будь я чуточку смелее и свободнее. Будь я прежней Шелл.

Все эти самокопания так или иначе перебиваются воспоминаниями об Айдене. Вроде ничего особенного – он отлично выполнял свои обязанности, однако почему-то от мысли обо всем этом я сталкиваюсь с настолько противоречивыми эмоциями, что трусливо пытаюсь абстрагироваться.

Надо бы написать Сэм.

Ради поиска телефона приходится выбраться из теплой кровати. Я с удивлением читаю на заблокированном экране уведомления о трех пропущенных звонках и семи сообщениях. Все это – от Сэм, которая полночи пыталась достучаться до меня и узнать, все ли в порядке.

Мягко говоря, я не ожидала, что ей будет не все равно. Да, Сэм предупреждала, что напишет, и просила меня быть на связи... но я не думала, что она это всерьез. Приятное ощущение вперемешку с уколом вины заставляет улыбнуться. Я пишу быстрый ответ, уверяя, что у меня все в порядке.

Однако весь этот день я брожу словно в воду опущенная. Что-то незримое происходит во мне. Это трудно сформулировать даже мысленно, не говоря уже о передаче словами. Смесь неясной тоски, задумчивости и растерянности перед ответами, которые я пытаюсь найти. Еще пару дней я без зазрения совести провожу в стенах своей комнаты. К счастью, мне сопутствует редкостная для Сиэтла непогода. Настоящий сезон гроз охватывает город и его округу, и я, прямо как в детстве, прячусь от этой серости за плотно закрытыми окнами.

Одним из таких тихих пасмурных вечеров я решаю, что достаточно. Пора приводить себя в порядок. А для этого мне стоит заняться чем-то, что хорошо знакомо и любимо. Сегодня я снова покину дом отца тайком – это необходимо мне так же, как и остальные составляющие моего плана. Остается надеяться, что Айден не решит проверить мою геометку посреди ночи.

Подняв телефон с тумбы, я отключаю его от зарядки и открываю общий чат с ребятами из мастерской. Набираю короткое сообщение, от которого неосознанно улыбаюсь:

Встретимся сегодня на нашем месте.

Спохватившись, дописываю следом:

И, пожалуйста, пусть кто-нибудь привезет мою машину.

Навыками добротного вождения обладает даже Лео. Думаю, он не упустит возможность прокатиться сегодня до нашего места. Ему я в этом плане доверяю даже больше, чем, например, Лиаму.

В беседе начинают всплывать ответы.

Конечно, красотка.

Лиам в своем репертуаре добавляет к сообщению непристойный стикер.

Давно пора!

А вот и восхищенный перспективой Лео. Сомневаюсь, что ему стоит проводить так много времени в компании Лиамы, но эти двое прямо на моих глазах становятся едва ли не лучшими друзьями.

Будем к одиннадцати, Лео уже забил место в твоей машине.

Пунктуальный Ноа, как и всегда, оказывается самым информативным.

Наконец-то.

Джексон добавляет стикер в виде указательного пальца и мизинца, выставленных вперед.

Улыбка меркнет на моем лице. В череде этих сообщений особенно остро не хватает ответа Питера. Я заглядываю на его профиль: «Был в сети шесть часов назад». По крайней мере, он достаточно жив, чтобы иногда открывать мессенджер. Тревога за Пита оседает в сознании и остается там очень надолго. Я снова пишу другу несколько требовательных сообщений, но в Сети он так и не появляется.

Когда я добираюсь до места встречи, остальные уже в сборе. Старая недействующая стоянка для грузовиков давно служит нам отправной точкой любых совместных поездок – благодаря возможности на долгое время припарковать машину, что трудно сделать в городе. Недалеко от нее находится круглосуточный продуктовый магазин, а само место почти равноудалено от наших домов и мастерской.

Только теперь я добираюсь сюда почти два с половиной часа. Однако это стоит того: заждавшиеся ребята горячо приветствуют меня, а подпрыгивающий от предвкушения Лео отдает ключи от моей машины.

– Наш мелкий отлично водит, – горделиво произносит Лиам и ерошит волосы на макушке парня. – Не скрою, моя заслуга.

Лео почти сияет от похвалы и улыбается во все тридцать два зуба. Я давно замечала за Лиамом негласное наставничество и опеку, которое он осознанно взял над младшим. Эти двое стоят друг друга, балансируя на контрасте. И помимо наших общих увлечений их связывает главная деталь – трудные отношения с отцами.

– Ну да, ну да, – меланхолично роняет Ноа. Именно он потратил больше полугода на вдумчивое обучение Лео навыкам вождения. – Вот и езжайте вдвоем.

Машины ребят припаркованы позади. Ford F-150 Джексона, как истинная рабочая лошадка, более чем просто пригоден для наших сегодняшних планов. Lancer Evolution IV, принадлежащий Лиаму, разукрашен и обклеен винилом так, что не видно настоящего цвета. Он забавно контрастирует со стоящим рядом спорткаром Ноа – он единственный из нас, кто смог позволить себе настоящую гоночную машину. Ему повезло быть владельцем знаменитой Skyline, за полной боевой комплектацией которой ему пришлось охотиться несколько лет. Пожалуй, никто не справится с этой норовистой японочкой лучше, чем наш Ноа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.